

ПРАДЕРТ
1984

ЕКАТЕРИНА
ТЮХАЙ
ДЕВОЧКА
СО СПИЧКАМИ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «РУКОПИСЬ ГОДА»

Проект 1984

Екатерина Тюхай
Девочка со спичками

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тюхай Е.

Девочка со спичками / Е. Тюхай — «Издательство АСТ»,
2024 — (Проект 1984)

ISBN 978-5-17-159149-6

2065 год. Игорь Соколов – тридцативосьмилетний президент России будущего, в которой все чиновники живут и работают под видеокамерами, а судебные решения принимают нейросети. Соколов в прошлом – одаренный программист, который искренне считает, что эмоции и мысли тоже можно подчинить технологиям, и ищет стартапы на эту тему. Соколов инвестирует в «Капсулу» – устройство для чтения мыслей и управления эмоциями через сны, которую создала нейробиолог Кира Мечникова. В случае успешных испытаний «Капсулы» Соколов планирует подписать закон 147 – о праве государства вмешиваться в сознание граждан во имя безопасности. С помощью «Капсулы» Соколов хочет окончательно удалить те эмоции и воспоминания, которые делают его человеком. Он погружается в «Капсулу», не подозревая, что проводником внутри сна будет злейший враг... В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-159149-6

© Тюхай Е., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Объект № 1	6
Конференция	9
Технокарнавал	14
Балерина	22
Водоворот	24
НИИ	29
Предложение	35
По ту сторону	40
Ритм	48
Парадокс планктона	52
Черный человек	57
Битва Школ	61
Дело 56-689	65
Хаб	69
Туман	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Екатерина Андреевна Тюхай

Девочка со спичками

*И убаюкан – горе мне! —
Я был на тихом лоне,
И сон последний снился мне
На диком склоне.*

Джон Китс

© Екатерина Тюхай, текст, 2024

© Екатерина Тюхай, нейросеть, иллюстрация, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Объект № 1

Max1*1: Есть способ

Arrat: Какой? Они отстреливают даже нанокоптеры за километр от башни. Любовниц он меняет постоянно, и они ничего не знают о нем.

Max1*1: Я теперь знаю кое-что. И это поможет нам его достать.

Arrat:???

Arrat: Сказал А, говори Б.

Arrat: Я тебя найду, обещаю. Я тебя просто с землей сровняю, сталкер херов

Max1*1: Не психуй

Arrat: Что ты знаешь?

Max1*1: То, о чем ему сообщат только минут через 15. Но я сделаю все без вас. Если получится, о результатах ты узнаешь из новостей.

Arrat: Что ты несешь

Max1*1: Он не подпишет

Arrat: Ты ебанулся? Я знаю, у тебя с ним личные счета, но это не тот уровень. Ты даже подойти к нему не сможешь

Max1*1: *Вложение*

Arrat: Где ты это достал????

Max1*1: *Вложение удалено*

Max1*1: Неважно. Я сделаю все сам, просто не мешайте

Arrat: Нет. Я тоже должен быть в деле. Что ты за это хочешь?

Max1*1: Чистые документы, чтобы после всего свалить за границу

Arrat: Будут

Arrat: Меня предупреждали, что ты не в себе, но чтобы настолько

Max1*1: Смотри новости.

Arrat: Чел, ты реально без башни

Max1*1: *пользователь офлайн*

Двенадцать часов назад

Он открыл глаза в полной темноте. В первый момент он никогда не понимал, где находится, – в комнате, в подвале или в гробу: настолько густая тьма его окружала. Сна больше не было. Сон в последнее время вообще стал для него роскошью: тело как будто в знак протеста перестало повиноваться выверенному до минут расписанию, которому он следовал годами.

Он лежал и смотрел в невидимый потолок. В груди (или в голове?) словно тикал назойливый часовой механизм, отсчитывая секунды до того момента, когда Кристин отключит режим штор по периметру гигантских, похожих на аквариум, апартаментов, и скажет: «Доброе утро, Игорь! Сегодня двадцать восьмое апреля, сейчас восемь утра. Погода в Москве плюс двенадцать, дождь, пасмурно».

– Доброе утро, Игорь! – Окна чуть слышно завибрировали, плавно размывая черноту и пропуская мутный свет снаружи. – Сегодня двадцать восьмое апреля, сейчас восемь утра. Погода в Москве плюс двенадцать, дождь, пасмурно.

Игорь проглотил что-то животнo-яроcтнoе, вздыбившееся изнутри.

«Дыши. Дыши. Сегодня двадцать восьмое. Сегодня много дел».

Гигантское пространство апартаментов на последнем этаже небоскреба заполнилось рассеянным светом, на части окон в хаотичном порядке начали транслироваться новости и входящие сообщения от его личных помощников.

Он отбросил одеяло и сел на кровати. К нему тут же подлетела стайка коптеров с камерами всевозможных форм и размеров и мерцающими красными огоньками записи.

Они окружили его, оставив лишь пространство для пары шагов, и нетерпеливо зажужжали.

– Все готово к эфиру, – сообщила Кристин. – Вывести на экран лайки, просмотры и окраску комментариев, как обычно?

– Угу, – угрюмо ответил Игорь и быстрым шагом пошел к ванной. Пошарив в серых пижамных штанах, он нащупал маленькую баночку с таблетками и сжал ее до боли в кулаке. Никто не знал о его секрете, кроме врача, который присылал эти таблетки, заказанные на чужое имя, – и Игорь платил ему столько, что врач поступил бы как круглый идиот, если бы выдал эту информацию хоть кому-нибудь.

На пороге ванной коптеры отстали, но некоторые из них поднялись чуть выше, чтобы потом с разных ракурсов запечатлеть выход своего героя, освеженного утренним душем.

Автоматическая дверь с тихим стуком закрылась и стала матовой. Игорь выдохнул, оперся о стену и обвел глазами ванную – свое любимое место в доме. На стенах беломраморного, холодного пространства в хаотичном порядке висели картины, похожие то ли на причудливые граффити, то ли на беспорядочные мазки. Все полотна выглядели по-разному, но изображали одно и то же: стоящую спиной к зрителю светловолосую девочку, которая держала в руке зажженную спичку.

В душе зашумела вода: Кристин включала ее каждое утро, всегда одной и той же температуры – тридцать семь градусов тепла.

Игорь сглотнул и с трудом заставил себя подойти к зеркалу.

«Соберись, тряпка».

Худой шатен с той стороны нервно уставился на него илистыми, болотного цвета глазами, уходящими в темень.

«Хватит стоять».

Но существо из зеркала осталось на месте: звенящее, как стекло от удара, покрытое едва заметными трещинами, с гротескно прямой, театральной осанкой. Оно не могло надеть на себя привычную улыбку сытого хищника – улыбку для камер, от которой скулы сводило судорогой.

«Больной ублюдок».

Игорь резко отвернулся, сбросил одежду на пол и залез в душевую кабину, изо всех сил сжимая в кулаке баночку с таблетками, чтобы даже случайный наблюдатель ничего не заметил.

Когда стекло запотело, он проглотил таблетку, запив ее пригоршней противной теплой воды из-под душа, оперся о стену и закрыл глаза. Вода стекала по жилистому телу, таблетка действовала, и тяжеленный топор в центре груди потихоньку рассасывался. Минут через пятнадцать от топора остался лишь небольшой нож, и Игорь с облегчением вышел из кабинки.

Кристин открыла для него длинную секцию шкафов, тоже отделанных белым мрамором: в начале рядами висели одинаковые черные полотенца, дальше – все необходимые детали гардероба ровно в той последовательности, которую использовал он каждый день, чтобы одеться.

Когда Игорь дошел до конца ряда, ему оставалось только застегнуть пуговицу на рукаве рубашки.

Он снова оказался напротив зеркала.

«Другое дело».

Человек с той стороны широко улыбался и сверкал ослепительными зубами. Железобетонная бодрящая сила напрямик с вершины мира. Игорь лениво поправил галстук.

«Стилисты, наверное, озолотились на этом куске тряпки».

Развернувшись к выходу, он вдруг бросил короткий взгляд вверх.

Над дверным проемом на своем обычном месте висела похожая на десятки других вариаций миниатюра «Девочки со спичками». Длинные светлые волосы лежали локонами на плечах, покрытых потрепанным платьем, спичка горела ровным масляным пламенем, неподвижным и плоским, словно зажатым страницами книги. Лица девочки не было видно.

Игорь набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг вперед. Двери раздвинулись, отдавая его на растерзание слепящим вспышкам камер дронов.

– Доброе утро всем! – Он улыбался шире, чем это было физически возможно.

«Скромнее надо быть».

Сто сорок пять лайков.

«Какой же вы стильный!»

Двести восемьдесят лайков.

«Когда пенсии поднимать будем, Соколов? Мы на Урале уже заждались».

Четыреста пятьдесят лайков.

«И вам доброго утра, Игорь Александрович, Кисловодск с вами!»

Сто два лайка.

Часть панорамных окон превратилась в бесконечные ленты, пестрящие то гневными, то восторженными комментариями, лайками и ежесекундно растущим количеством просмотров из разных точек планеты. Они плавно распределялись на большой карте мира, окрашивая ее во все цвета радуги.

– Доброе утро, господин президент, – произнес вежливый автоматический голос Кристин из панорамных динамиков. – Озвучить ваши планы на сегодня?

Игорь кивнул:

– Да, пожалуйста.

Конференция

Двадцать восьмое и правда оказалось днем не из легких. Еще до обеда Соколов провел несколько изматывающих совещаний, но самого обеда так и не случилось, потому что в два часа он уже мчался на другой конец Москвы открывать Всероссийскую конференцию студентов по развитию нейросетей.

Университетский холл для выступлений гулко отзывался на каждый звук, как колокол. Огромный, неоновно-голубой и абсолютно пустой, если не считать стульев и пуфиков, разбросанных по мягкому белоснежному ковру. Полупрозрачные стены давили холодом. Студентов пока не пустили внутрь, и Игорь с интересом осматривал помещение: с последнего его визита здесь опять все поменялось.

– Экспресс-архитектура, – усмехнулся Рома Крестовский, двадцатичетырехлетний публик-менеджер президента, который отвечал за тональность и сценарии всех его выступлений и стримов. Рыжая шевелюра Крестовского сегодня по-щегоольски лежала на боку, а веснушки на юном лице кричали о солнце, весеннем ветре и какой-нибудь глухой деревне в Тверской области.

– Да уж, – со смешанными чувствами отозвался Соколов. – В прошлом году было похоже на космический корабль, а сейчас... айсберг какой-то.

Часы на запястье Игоря засветились: «Рекрутов: „Все готово, можем начинать“».

Игорь посмотрел на Крестовского, и тот понял все без слов: стандартный протокол.

Через пятнадцать минут холл до отказа заполнился студентами. Они стояли вдоль стен, сидели на стульях и полу, шептались и шуршали, а Соколов с удивлением втягивал носом давно забытый запах джинсовых курток, дешевых кед Converse, попкорна, сигарет, рюкзаков и вписок – той далекой перевернутой жизни, в которой никто не следил за временем.

Когда вспышки камер перестали его слепить, в зале наконец наступила тишина.

– Что ж... – Игорь подошел к центру сцены – неровной и угловатой, бирюзовой, как лед в Патагонии. – Привет, Высшая школа экономики, программирования и робототехники.

В зале захлопали; студенты сворачивали приложения, видимые только им на тонких стеклах очков; полупрозрачные проекции парней и девушек – «аватары» – появлялись на пустых местах и начинали транслировать лайки и хлопки в воздух. Шустрили коптеры, снимая происходящее с разных ракурсов.

Соколов улыбнулся:

– Кто из вас знает, где я учился?

Позади него тут же стали появляться варианты ответов, которые складывались в трехмерные диаграммы и плавно вращались вокруг своей оси.

Президент обернулся и примирительно поднял руки:

– О'кей, о'кей, гуглить вы умеете!

Несколько человек засмеялись.

– Вы правы: я сменил три университета до того, как понял, чем на самом деле должен заниматься. Четвертый я закончил экстерном. Ваш.

Снова раздалась аплодисменты, толпа оживилась и начала переговариваться.

– Но сегодня я пришел поговорить не о себе. Кому сейчас ответить на вопрос помогла нейронка?

Живые и виртуальные руки выросли в маленький лес, обозначая масштаб того, о чем говорил Соколов.

– Прекрасно. Теперь представьте: сорок пять лет назад, когда вас еще не было на свете, мы жили совсем в другом мире. Погуглите про вирус, потому что именно он стал первым

толчком. Вы его не застали, я тоже – но есть много хроник того времени. Поверьте, это было очень страшно. Горы трупов в моргах. Людей не успевали хоронить.

Десятки глаз следили за его движениями. Он медленно подошел к краю сцены и стал ходить туда-сюда. Тишина и звук его шагов наполняли зал, только попискивали коптеры.

– При чем тут нейронки, спросите вы? Многие тогда потеряли работу, целые профессии исчезли, потому что мы не могли выходить из дома. Но появились и новые. Нейросети развивались стремительно, потому что вирус вынудил людей переизобрести себя и свое место в мире, коммуникации стали почти полностью цифровыми. Чуть позже, после нескольких войн и кризисов, Россия наконец превратилась в то Открытое государство, где мы живем сейчас: безопасный Интернет, социальный рейтинг, беспрецедентные льготы для программистов и ученых. Умные камеры на улицах и в кабинетах чиновников с круглосуточным наблюдением – и потому радикальное снижение уровня преступности и коррупции. Кто знает, что случилось потом?

Девушка с синими волосами вытянула светящуюся пикселями руку вверх:

– Эвелина Мур придумала «Лилабо».

– Правильно, – одобрительно кивнул Соколов. – Эвелина Мур, британская школьница из гетто, в разгар эпидемии на своем домашнем компьютере научила нейросеть проявлять свободу воли.

Лайки и хлопки в воздух из разных точек зала посыпались особенно интенсивно.

– Это был поворотный момент. Революция. И сегодня, в две тысячи шестьдесят пятом, мы имеем дело с ее последствиями. Спорим, вы даже не замечаете, насколько глубоко нейронки проникли в вашу жизнь. Расписание занятий? Составляет нейронка. Базовые науки и программирование? Преподают нейронки. Карьерный трек с учетом ваших способностей? Нейронка. Инвестиции? Нейронка рассчитает финансовую стратегию лучше вас. Подать в суд и выиграть иск? Запросто, а вы идите в бар с друзьями.

Студенты снова засмеялись.

– Вспомните три своих последних разговора с кем-нибудь. Прямо сейчас. Сколько из них – с живыми людьми, а сколько – с вашими ассистентами?

Зал затих. Соколов ожидал этой пронзительной тишины и усмехнулся про себя.

– Можно сказать, что сейчас мы стоим на пороге слияния машины и личности. И кажется, что это сделает нас новым видом. Сверхчеловеком, если хотите.

Студенты зашумели, начали перешептываться.

– Давайте-давайте, шлите мне свои вопросы. Речь сегодня не самая интересная, но осталась ровно одна минута пятьдесят секунд. Наберитесь терпения.

За спиной президента материализовался красный таймер и начал отсчитывать секунды.

– Какой урок человечество извлекло из всего этого? Очень простой. Одна идея может изменить мир. И сегодня мы охотимся за идеями массово, добываем их, чтобы выжить, – так же, как когда-то мы добывали нефть. Уверен, вам прямо сейчас приходят офферы от компаний со всех концов планеты.

Студенты молчали. Это было правдой: назойливые хантеры преследовали их с момента поступления во ВШЭПР.

– Но я надеюсь, – он посмотрел в зал особенно пристально, – что вы все-таки предпочтете открытую Россию остальному миру и будете генерировать свои идеи здесь. Так или иначе... – Игорь выдохнул. – Знайте, что, какой бы волей ни обладали нейросети, без вас им все еще не справиться. И конференцию они вместо вас не проведут – пока что. – Президент рассмеялся, и в этот момент его знаменитая улыбка как будто проникла каждому прямо в мозг, отпечаталась на сетчатках всех, кто на него смотрел, затаив дыхание. – Где бы вы ни оказались, что бы вам ни предстояло сделать, помните, как и Эвелина Мур, что на пути к цели вы больше и круче любых

обстоятельств, которые вас окружают. Вы умеете мечтать о лучшем будущем. Вы делаете это прямо сейчас. И в этом ваша сила, которой нет и никогда не будет у нейросетей.

Соколов виртуозно владел навыком нравиться тем, с кем он разговаривал. Студенты сидели не двигаясь, и вдруг на задних рядах медленно начали хлопать. После этого громыхнул аплодисментами весь зал. Президент довольно сощурился в горячие софиты и вспышки приблизившихся коптеров.

Следующие десять минут Игорь по привычке отбивал вопросы разной степени смелости: все они ожидаемо копировали тысячи комментариев, которые оставляли люди каждый день под его стримами.

Те же шутки, те же узкие места, те же способы проверить его убеждения: он видел каждого из этих светлоголовых, одаренных, серьезных, смешливых, разбросанных по залу вечерашних подростков насквозь. И ему было невыносимо скучно. Но ни одним мускулом лица он этого не показал, и когда наконец десять минут истекли, Соколов повернулся и собрался спуститься со сцены.

– Игорь Александрович, можно? – Высокий студент в бежевой футболке поднялся с места: его рука взлетела вверх, как только Соколов занес ногу над ступенькой.

Президент обернулся и пересекся взглядом с говорившим. Длинная выгоревшая челка падала на стекла-хамелеоны в золотистой оправе. Соколов не видел глаз парня и насторожился: он любил смотреть в глаза и довольно успешно читал по ним мотивы собеседников. Понять, чего хочет этот персонаж, было невозможно.

– Да, конечно, – в ровном голосе Игоря ничто не выдавало беспокойства.

– Вы много говорите о свободе, об открытости цифрового мира – и упоминаете слияние человека и нейросети как закономерный процесс развития. Но что, если, – «хамелеоны» нагло блеснули в свете ламп, – человек становится цифровым не потому, что ему это зачем-то особенно надо? Мы все еще можем обходиться без нейросетей, а вот они без нас – никак. При этом вы – адепт теории слияния, которая не влечет за собой ничего, кроме еще более предметной и тотальной слежки, чем ведется за нами сейчас.

В зале начали переглядываться. Часы на руке Соколова ткнули его коротким:

«Остановить и вывести?»

Игорь проигнорировал автоответы «да/нет» и не выбрал ничего. Он вернул ногу на сцену и встал вполоборота к залу.

– Так в чем вопрос? – спокойно спросил Игорь.

– Закон номер сто сорок семь. Вы его подпишете? Если да, то это будет означать цифровой концлагерь для всех нас, с чтением мыслей и превентивными арестами. Можно будет считывать личную информацию людей без их согласия, любой техникой. И уголовные дела начнут заводить уже не за действия, а за мысли. Вы правда на это пойдете? Это и есть настоящая свобода в открытой России?

Ярость внутри Игоря всколыхнулась, а живот скрутило голодной болью: он только и думал о том, как покинет голубой зал и пойдет на показной «студенческий» обед в столовую, где возьмет огромный бургер, салат и, конечно, колу.

«Дыши. Дыши. Не важно, откуда он знает о сто сорок седьмом. Делай вид, что ничего не случилось».

Соколов с пониманием улыбнулся:

– Что такое свобода, по-вашему?

Он на мгновение перехватил взгляд Крестовского, который беспокойно заерзал в первом ряду: Соколов ступал на опасную почву, нарушая заранее согласованный сценарий, а подобное почти никогда не кончалось хорошо, хотя и влекло за собой всплеск комментариев и дополнительного внимания к каналам главы государства.

Студент, словно зачитывая параграф из «Википедии», ответил:

– Это возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества.

– Верно, – в тон ему отозвался президент. – Как всеобщая открытость влияет на вашу свободу? Если вы не нарушаете закон, то никак. Я живу под камерами почти двадцать четыре часа в сутки, исключая сон и походы в туалет. Вы можете видеть всю мою жизнь в прямом эфире, но вы по-прежнему ничего обо мне не знаете. О чем я думаю? Какие планы строю? Что собираюсь сделать? Вот и сейчас вы задали вопрос, который касается моих *мыслей и планов* насчет закона сто сорок семь. Представьте, если бы я мог делиться с вами не только результатом своей работы, но и процессом, причем напрямую из собственной головы? Наверное, это добавило бы вам уверенности в завтрашнем дне. Почему вам интересно, что я задумал? Почему вы из-за этого переживаете? – Его глаза сузились и потемнели, как у зверя перед прыжком, вызывая мурашки у сидящих в первых рядах. – Страх. Вы боитесь, что я сделаю что-то, что не согласуется с вашей картиной мира. Вы боитесь потерять контроль надо мной. Вы боитесь за свою жизнь. Задайте себе другой вопрос: а чувствуете ли вы себя в безопасности в этом случае? Скорее всего, нет. Так вот, закон сто сорок семь – всего лишь маленький шаг на пути к глобальному процессу освобождения человечества от планов, которые может построить и воплотить, например, преступник. От ощущения опасности. От непредсказуемых последствий. Как в свое время мы пришли к революции в медицине через профилактику болезней и прививки, так и сейчас мы оказались на пороге следующего скачка: эры профилактики опасных и угрожающих обществу ситуаций. Нормальный виток эволюции, только и всего. Апдейт, если хотите. Так где здесь нарушение свободы? И да, спасибо за интересный вопрос.

Соколов снова безмятежно улыбался.

Парень в очках сжал спинку стула перед собой, проглотив сказанное. На него из толпы пристально смотрели телохранители президента. Другие студенты оборачивались и шептались.

– А что в этом дивном новом мире будут делать те, кто не захочет расшарить свои мозги на всеобщее обозрение? Какая роль предназначена им? – тихо спросил студент.

Соколов сделал вид, что не заметил вопроса, и, подняв руки, громко произнес:

– Что ж, ребята, желаю удачи! Вас ждет впереди много интересного, а мне пора. Конференцию объявляю открытой!

Толпа с облегчением зааплодировала, желая поскорее забыть о вопросе, который душным покрывалом повис в воздухе голубого холла. Этим бабочкам, беззаботным и легким, выросшим в прозрачном мире, что-то другое казалось странным и немыслимым – как, например, жить в лесу без воды и электричества.

Соколов, несмотря на сильный голод, передумал обедать и постарался как можно быстрее покинуть университет.

Когда они с Крестовским стояли, зябко подрагивая, на апрельском ветру в одних пиджаках во дворе университета и готовились сесть в разные машины, Игорь устало посмотрел на рыжего помощника. Тот через полупрозрачные очки-ассистенты быстро листал комментарии к только что прошедшему стриму.

– Ром, есть сигареты?

Крестовский удивленно посмотрел на президента сквозь светящиеся графикой стекла:

– Игорь Александрович, вы же давно бросили. Лет восемь как. И опять-таки... – Паблик-менеджер едва заметно указал глазами на зависших недалеко дронов, которые исправно продолжали снимать их в режиме наблюдения. – Сейчас у нас на повестке дня устойчивое развитие здоровья. Вам важно... кхм... соответствовать ожиданиям общества.

Соколов ощутил волну тошноты: сигареты были его слабым местом, с которым он не мог разобраться много лет, хотя давно не курил, а только мечтал об этом каждый раз, когда злился или нервничал.

– Да, ты прав. – Игорь поспешил отвернуться к черному автопилоту, который только что бесшумно подъехал к нему: он был похож на вытянутое острое веретено. Казалось, что авто почти парит над дорогой из-за утопленных в корпус колес. Двери машины распахнулись, обнажая уютный полумрак салона, в котором Соколову предстояло ехать в Кремль в полном одиночестве.

Машина хищно сглотнула его. Президент опустился в ее прохладные недра, как в болото, ощущая привычную боль в груди. Глядя в упор на красный огонек встроенной в автомобиль камеры, он тихо спросил:

– Как там реакции?

– Лучше, чем могли бы быть, – ответил Крестовский, не глядя на Соколова и все еще увлеченный чтением. – Как раз доделал для вас дайджест топовых комментариев – он на всех ваших девайсах. Продуктивного дня и до встречи.

Игорь кивнул, затем поднял руку. Автопилот закрыл двери и, рыкнув электрической имитацией мотора, утащил президента в холодное пространство промозглой весенней Москвы.

Технокарнавал

Каждый взгляд на часы делал Киру все мрачнее: она страшно опаздывала. Вот и сейчас она недовольно нахмурилась, увидев цифры «21:33» на полупрозрачной проекции над кухонным столом. Перепрыгнула через разноцветную кучу вещей, сваленных прямо на полу, и, наверное, в сотый раз за вечер оказалась перед зеркалом.

Кира попыталась еще больше одернуть темно-серое, с асимметричным вырезом, трикотажное платье, в меру узкое, чуть ниже колена. Оно выглядело вполне целомудренно, но все равно казалось ей удивительно пошлым – совсем не таким, как в магазине, где она схватила его за десять минут до закрытия. Оглянувшись на кучу вещей, девушка с сожалением нашла глазами любимую черную толстовку с рваными краями и огромным капюшоном.

«Все очень плохо», – широко улыбаясь своему отражению в зеркале, констатировала она. Кира скептически разглядывала аккуратные, чуть пухлые губы, покрытые светло-коралловой «шелковой» помадой, за которую она накануне заплатила совершенно неприличную сумму. Пальцы потянулись за блестящим тюбиком новой, нераспечатанной туши. Несколько секунд Кира безуспешно пыталась подцепить прозрачную пленку срезанным под корень ногтем. Выругавшись, она ювелирным движением, чтобы не смазать помаду, надкусила упаковку зубами. Руки дрожали, пока Кира неуклюже наносила краску на свои длиннющие и по-детски выгоревшие ресницы. Из зеркала на нее смотрели растерянные глаза цвета московских дождевых облаков; из-за оттененной их туши они стали светло-голубыми, прозрачными, с поволокой – совсем чужими.

«С „Мультиплекс“ ваша кожа станет такой гладкой и сияющей, как будто вы только что вышли от косметолога», – еле слышно вещал парящий над полом вогнутый экран-проекция на заднем плане. Кира покосилась в зеркало – там мелькали части тела какой-то загорелой мадам лет сорока, которая сначала медленно наносила на себя чудо-крем, а потом подставляла свои идеальные скулы сразу и девушке, и парню. Оба весьма посредственно изображали влюбленность, целовали главную героиню, глумливо смеялись и кормили друг друга ярко-красной клубникой, с которой стекал сок, похожий на кровь.

«Только лучшие кадры для ваших личных, очень личных каналов», – двусмысленно закончил голос.

– Жуть! – Киру передернуло от отвращения, хотя в ролике и не было ничего необычного: реклама и реклама, чего только не наснимают сидящие на синтетике креативщики, чтобы оставаться на острие моды.

На экране высветилось недовольное:

«Sergey184: Ну ты скоро? Или в лучших традициях наших бабушек? Я выехал. Билет на тусу уже у меня».

Кира нахмурилась. Она совсем забыла, что оставила геолокацию включенной и этот Sergey184 может видеть, что Кира находится минутах в сорока от того места, где назначена «стрелка». Назвать это встречей у нее язык не поворачивался.

Сообщение растворилось, и на экране появилась долговязая фигура виртуального ведущего новостей: неопределенный возраст, подтянутое лицо и тело, нарочито белоснежная, сияющая улыбка и морковный фреш на столе рядом с шаром, где крутятся стримы из сегодняшнего выпуска.

– Добрый вечер! В эфире «Вести Online». Сегодня мы, как всегда, начнем с канала президента, который два часа назад провел плановое совещание с членами правительства на тему инноваций в сфере дополненной реальности...

Кира уставилась на экран. Правая рука нашарила одну из разноцветных ручек-диктофонов, разбросанных по ее маленькой съемной квартире, и нажала на «запись».

– Потом глава Национального банка, – продолжал нараспев диктор, – раскроет подробности об альтернативном методе укрепления крипторубля с помощью геймификации биржи. Также мы узнаем, как дела у наших теннисистов, которые ведут прямые трансляции по своим каналам из Австралии, где сейчас проходит кубок мира по кибертеннису. После этого мы переключимся на канал Большого театра, потому что прима-балерина Ольга Миронова согласилась рассказать нам о новой многомерной постановке «Щелкунчик 7D». Оставайтесь с нами, и начиная с третьей минуты мы будем зачислять по одному крипторублю на ваш ID или в систему «Умный дом».

Кира поднесла наручные часы ко рту и торопливо продиктовала ответ «стрелочнику»:
– Выбегаю через десять минут, извини!

* * *

Игорь еле дождался вечера: встречи шли одна за другой, методично пиная его в грудь, и она уже часов в шесть ощутимо заныла, требуя очередной дозы таблеток.

Он заинтересованно водил глазами по строчкам бесконечных документов, которые ему несли и несли, но не видел ровным счетом ничего, как будто на голову ему надели пакет. Последним в расписании стоял созвон с министром культуры в двадцать два тридцать. Министр что-то неуверенно бормотал по поводу очередного подпольного театра, который поставил антигосударственную пьесу; уверял, что они разбираются и «вопрос взят в разработку». Соколову было так плевать, что в какой-то момент он просто приглушил конфколл и стал слушать это зудящее бормотание фоном, как радио.

– Игорь Александрович, прошу прощения, вы меня слышите?

Соколов, прикрыв бумагу рукой от висящих в воздухе камер, задумчиво рисовал на черновике какого-то законопроекта детализированные черепа и кости, делая вид, будто что-то записывает. Длинная цепочка черепов завершалась каллиграфическим «Чтоб вы сдохли».

– Да-да, я тебя слышу. Действуй по ситуации.

– Э-э-э... Но они назвали вас тираном и лжецом прямо со сцены...

– Да, я понял. Мне надо идти. Держи в курсе.

Министр обиженно запищал короткими гудками, а Соколов, устало обхватив голову, сказал:

– Кристин, отключи входящие. Меня нет.

– Игорь Александрович, вам записка от Геворга.

– Меня нет, я же сказал!

– Он говорит, что это что-то важное.

– Меня. Нет. – Игорь быстрым шагом пошел к дверям и еле сдержался, чтобы не пнуть их ногой. Резные створки выплюнули его наружу из коробки, обитой мореным дубом, – старомодной и вычурной, в духе конца двадцатого века. Он ненавидел работать здесь, в белозолотом кабинете: в конце дня у него всегда, без исключения, раскалывалась голова – так, как будто все вожди, которые были здесь до него, одновременно стучали в нее своими свинцовыми кулаками.

– Игорь Александрович. – Геворг вежливо, но неумолимо подплыл к нему возле выхода из кабинета.

– Завтра, все завтра! – Соколов твердо прошагал мимо Геворга. Этот личный помощник курировал семейные вопросы президента. И, поскольку Игорь ни с кем из родственников не поддерживал связь, новостями подобного рода он тоже не интересовался.

– Это по поводу вашей... матери. – Геворг закашлялся, словно ему что-то попало в горло.

Игорь замер посреди коридора и быстро протянул открытую ладонь, не оборачиваясь.
– Ладно, давай, потом почитаю.

Геворг торопливо вложил в руку президента маленькую записку – такие обычно использовались для конфиденциальных новостей – и почти побежал прочь.

Бумажку Игорь даже не раскрыл: запихал ее поглубже в карман и быстро пошел к лифту. Охрана молча двинулась за ним, держась на почтительном расстоянии, чтобы не нервировать и без того напряженного босса.

«Технокарнавал, 00:00–09:00», – всплыла на часах напоминка от Кристин.

Игорь посмотрел на экран и, задержав палец в воздухе на несколько секунд, нажал одно из двух слов: «иду».

* * *

Кортеж плыл сквозь темную, нахмурившуюся апрельскими тучами Москву – мокрую, взъерошенную, с вереницами вечерних огней. На них слюдяной пленкой все еще подергивалось холодное дыхание зимы.

Игорь часто в последнее время вырубался прямо в машине, на заднем сиденье – и какая-то часть его сознания, которая никогда не спала, подсовывала ему картинки: водитель, контролирующий автопилот, пользуется беспомощностью президента, разворачивается и стреляет в него в упор из пистолета с глушителем.

После таких сновидений Соколов резко просыпался и, тяжело дыша, смотрел прямо перед собой широко раскрытыми глазами – в экран, где крутили какие-то английские артхаусные фильмы. Он любил смотреть их в дороге без звука и часто даже работал под них.

Когда черные машины, мигая синими маячками, наконец бесшумно въехали на подземную парковку президентского небоскреба, он добрал до лифта вместе с несколькими телохранителями. Они теснились, как медведи на задних лапах, стоя рядом с ним, щуплым и узкоплечим, в своих огромных квадратных пиджаках и свитерах с горлом. Охранники сосредоточенно сопели: эти ребята не любили замкнутых пространств.

Соколов поднялся на сто тридцатый этаж и, еле передвигая ноги в жестких и безумно дорогих туфлях, поплелся в ванную. Коптеры, тихо жужжавшие сзади, покорно остались ждать его в большой комнате.

В ванной Игорь снова незаметно проглотил таблетку, и его отпустило: плечи расправились, боль в груди стала тусклой, глухой и вполне терпимой.

– Кристин, дай мне наряд для вечеринки. Что-нибудь неброское, я лайкал это в подборках пару дней назад.

– Да, я подобрала несколько вариантов, – прохладным тягучим голосом ответила Кристин. Таблетка как будто делала весь мир чуть лучше, чем он есть, многограннее, глубже.

В конце ванной выдвинулась секция, и Игорь пошел туда.

Там висели черные балахоны и худи, черные джинсы, спортивная и походная одежда, бронежилеты и даже спецформа на случай военных действий; стояли ровными рядами лаконичные темные кроссовки – лимитированные линейки Nike и New Balance, созданные известными дизайнерами; лежали накладные бороды и усы,

шляпы, темные очки – все, чтобы стать максимально не похожим на себя.

Внутри у Соколова все дрожало от предвкушения: это была лучшая часть его жизни, где у него появлялась хотя бы иллюзия свободы.

– Спасибо, Кристин, ты умница.

– Всегда пожалуйста, – прошелестела рободевушка.

Игорь вошел в плотные ряды вешалок и аккуратно залез в карман черной толстовки с красной надписью «flash» на груди. Отвернувшись ко внутренней стенке шкафа, он сделал

вид, что выбирает темные очки в бесконечных блестящих секциях, и быстро насыпал дорожку белого порошка себе на ладонь. Потом согнулся и втянул его носом через скрученную в трубочку записку от Геворга.

Чистая энергия кокаина мгновенно разбудила его, сделала слегка неуравновешенным и синтетически счастливым – ровно настолько, чтобы он смог еще несколько часов стоять на ногах и поддерживать разговор. Ему важно было находиться в гуще событий, потому что он искал проект – не просто поделку талантливых программистов, а то, что изменит ландшафт его политики, да и планеты, навсегда.

Технокарнавал считался главной тусовкой года для инвесторов и тех, кто хотел выгодно продать IT-бизнес; для богемных молодых ученых, нейробиологов, генетиков и робототехников, ищущих русские и зарубежные гранты; для жирных владельцев технофраншиз, для вольных разработчиков и хакеров-наемников международного класса.

Игорь стянул с себя брюки. Они упали на пол и обвили его голые ноги, как шкура серой змеи. Он улыбнулся и не глядя вышел из этой «кожи», оставив ее лежать на полу. Рядом с брюками опустились белая рубашка и отброшенный наспех галстук.

Через несколько минут Соколов встал перед матовыми дверями, с ног до головы упакованный в черное. Ему хотелось орать от радости, потому что следующие несколько часов он собирался провести инкогнито в лучшем, пожалуй, месте Москвы – одной элитной заброшке, на бывшем алмазном заводе, разукрашенном в пух и прах. Он будет бродить среди самых умных и богатых людей планеты, слушать музыку и сплетни и ни за что не отвечать.

Выбрав в качестве маскировки золотистые линзы, накладные брови и черную медицинскую маску на пол-лица, президент накинул капюшон, оглядел себя с ног до головы и довольно улыбнулся. Узнать его в таком виде было просто невозможно.

* * *

Гигантские зеленые лучи пронзали каждого, кто входил через замаскированный под ангар вход в подземный комплекс заброшенного завода. Соколов запретил охране, которая по такому случаю тоже оделась в стилистику вечеринки, приближаться к нему ближе, чем на пятнадцать метров, чтобы не распугать потенциальных гениев, чьи проекты он мечтал заполучить. Дроны с камерами в толпе были бесполезны, и Игорь не без удовольствия оставил их парить у входа.

Вскоре Соколов, смешавшись с толпой, расслабленно наслаждался ее пульсацией, быстрыми короткими разговорами, рваными движениями, вибрацией пола и густыми басами колоссальных панорамных динамиков: они опоясывали танцпол и создавали акустику наподобие церковной.

Два часа он почти без перерывов слушал заготовленные *elevator speech* – не слишком хорошо отрепетированные, но вполне себе внятные, учитывая состояние тусующихся здесь. Однако все предложения были совсем не тем, что искал Игорь. Его энергия стремительно уходила, он терял интерес к происходящему и маялся от непонимания, что делать дальше. Встретив нескольких смутно знакомых «шишек» в масках, он перебросился с ними парой слов. Узнать кого-нибудь конкретно Соколов не смог и просто отделался общими фразами, чтобы не выдавать себя и не заставлять людей продолжать ненужный разговор. Он чувствовал, что кокаин начинает его отпускать, и прямо на каком-то низком подоконнике соорудил и втянул еще одну дорожку. Стало легче, и президент пошел дальше, в другие залы и помещения, вновь покачиваясь на волнах искусственной эйфории.

В какой-то момент он пересекся глазами с худой девушкой в сером платье до колен и черной балаклаве. Она танцевала, неуклюже дергаясь: тяжелые мартинсы почти не отрывались

от пола, но вместе с тем в ее движениях сквозила какая-то загадочная грация – или это был кокаин в крови Соколова. Судя по одежде, она принадлежала к когорте молодых и бедных – но, возможно, талантливых.

Игорь резко дернул рукой: мол, давай отойдем. Она ухмыльнулась и продолжила танцевать.

Но Соколов уже впился в нее глазами и сканировал, чтобы точно не забыть и не перепутать. Едва ли не главным критерием при выборе проектов он считал внутренний стержень их основателей. Она не ринулась к нему в надежде на инвестиции, а значит, деньги у нее есть.

Что же тогда? Она тоже инвестор? Но почему так бедно одета? Маскировка?

Пока в голове Игоря кипели вопросы, толпа постепенно подводила их все ближе и ближе друг к другу.

– Ну! – произнес он довольно фамильярно. Игорь пытался казаться естественным и совсем не обдолбанным. – It seems to me, or did we meet last year at the XRforum in St. Petersburg? I am an investor from five hundred startups.¹

– I doubt we've met before,² – тихо ответила она и развернулась лицом к гигантскому стробоскопу.

Игорь не отставал – прищурившись, он пробирался к ней сквозь толпу, пока наконец не оказался рядом.

– Have I offended you in some way? ³ – на другом языке его голос звучал вкрадчиво и обеспокоенно.

Девушка продолжала молча танцевать – и вдруг бросила по-русски:

– В каком-то смысле да. Не люблю тиранов и лжецов.

Соколов похолодел: ему вспомнился сегодняшней разговор с министром. Нет, это какое-то дурацкое совпадение. Она не могла узнать его.

Девушка заметила, как он медленно отступил на пару шагов, и рассмеялась:

– Ну, просто ты никакой не инвестор из «500 startups» – такими унюханскими сюда ходят только русские. И еще у тебя акцент. И да, я ненавижу приказы – как ты сделал рукой в центре зала. Я поняла, у тебя есть деньги, но что ты можешь предложить, кроме них?

Игорь задохнулся от гнева:

– Да ты охуела!

– Ага. Так что ты здесь ищешь? Для твоих денег тут полно карманов, вперед, налетай!

Она повернулась к нему спиной и потеряла всякий интерес.

«Нам стоит сделать девушку сговорчивей?» – завибрировали часы на запястье, но президент только отмахнулся. Обогнув по большой окружности место, где танцевала девчонка, он снова приблизился к ней.

– О'кей, извини, что я так резко.

Глаза в вырезе балаклавы слегка расширились.

– Давай отойдем. У меня есть не только деньги. Есть... знакомые в АПЭ и Минобороны. Есть связи в зарубежных фондах. Есть друзья в Amazon, Google, NASA, Tesla – что из этого тебе интересно? Я готов рассказать обо всем. Удели мне немного времени. Ты очень странная. Но мне кажется, мы поладим.

Девушка пристально изучала его, искрящегося в ледяном невыносимом свете стробоскопа. Он замер среди хаоса танцпола в рассинхроне с тем броуновским движением, что окружало его.

¹ Привет! Мне кажется, или мы встречались в прошлом году на форуме XR в Питере? Я инвестор из «Пятисот стартапов» (англ.).

² Сомневаюсь, что мы встречались раньше (англ.).

³ Я тебя чем-то обидел? (Англ.)

– Пожалуйста, – тихо попросил он, и на секунду ей послышалось отчаяние в его голосе. Она пожала плечами:

– Ладно.

Игорь обрадовался и жестом пригласил ее к бару.

* * *

– Так ты расскажешь, что у тебя за проект? – Соколов опустил на стойку два бокала дорогущего шампанского.

– Сны, – просто ответила она.

– Что? Я ничего не слышу. Сны?

– Да, сны! – перекивая гудящее пространство, ответила балаклава. – Нейроинтерфейс по управлению снами и расшифровке образов. Точнее, это даже больше, чем нейроинтерфейс.

– И что он дает? – с сомнением спросил Игорь, приподняв маску и выпив залпом почти весь бокал. Его страшно разочаровал ответ девушки.

«Что интересного в снах? Рекламу, что ли, транслировать?»

Балаклава звучно рассмеялась. Игорь заметил, что она даже не притронулась к шампанскому.

– Ну, если тебя что-то не устраивает, можем свернуть переговоры.

– Нет-нет, мне очень интересно, – с усилием проговорил он, пытаясь сфокусироваться: алкоголь в смеси таблеток и кокаина явно был лишним.

– Тогда обещай не перебивать. – Она выдохнула и посмотрела на него в упор, положив руки на стойку. – Итак, представим, что появилась нейронка достаточно мощная, чтобы внедриться в мозг человека. Что может пойти не так?

Игорь задумался:

– Не хватит данных? Мозг отвергнет ее?

– Правильно. Наше сознание – это не просто компьютер, а очень умный компьютер. С крутейшей системой защиты от внедрений. Его сложно обмануть, когда он во всеоружии и бодрствует. Но во сне... во сне все меняется. Защита ослабевает, и все эти стены – пф-ф! – просто испаряются. – Балаклава резко щелкнула пальцами в воздухе, и по коже Соколова вдруг побежали мурашки, хотя ничего страшного, кажется, не происходило. Вечеринка продолжала стучать им в уши отборным техно, вокруг дергались сотни тел – но что-то в воздухе безвозвратно изменилось. С тревогой он вглядывался в прозрачные глаза собеседницы и видел, что в них, на самом дне, вдруг зажглась одержимость ученого, который ради эксперимента готов пойти на все.

– Но что может эта сверхмощная нейронка, когда она уже... внутри? – Ему почему-то сложно далось последнее слово, как будто он сам открывал сейчас свои границы перед странной девушкой.

– У меня для тебя плохие новости, – ухмыльнулась балаклава. – Практически всё. Пациент даже не заметит, что что-то происходит: он просто увидит яркий странный сон. К примеру, чтобы узнать, о чем ты думал вчера днем, во сне мне понадобится около... – Она оценивающе посмотрела на него. – Около минуты реального времени.

Соколов поперхнулся шампанским. Внутри все задрожало, и он мгновенно потерял опору.

«Этого не может быть».

– Эй, ты меня слушаешь? – Девушка пристально вгляделась в его лицо, которое побелело от волнения под маской.

– Да, – надтреснутым голосом ответил Игорь.

«Только не упусти ее, только не упусти!»

– Хорошо. Теперь усложним задачу. Допустим, нам нужно узнать, что у тебя в планах, скажем... через неделю. Если эти планы есть, мне нужны будут небольшой, но достоверный сценарий и хороший триггер. Когда подсознание почувствует себя в комфортной обстановке, оно раскроется. Это займет... около пятнадцати земных минут.

– Блядь, – тихо выдавил он, – скажи, что ты шутишь.

– Ничуть, – прохладно ответила балаклава, – Но если ты мне не веришь...

– Прости, я не это хотел сказать. Я слушаю. Что еще умеет эта нейронка?

Соколов не заметил, как провел в компании девушки-балаклавы целый час. Он осушал бокал за бокалом, а она весьма доходчиво объясняла, что ее разработка позволяет не только управлять снами, но и погружаться глубже в подсознание человека, искать там воспоминания и взаимосвязи, закладывая идеи или даже менять мировоззрение. В стельку пьяный Игорь слушал ее как замороженный и с каждой минутой понимал, что нашел то, что искал. Нетвердыми руками он попытался открыть меню своих часов:

– погоди, давай я запишу твой контакт, это очень важно...

Девушка еще раз рассмеялась и вдруг спросила:

– Что у тебя случилось?

Игорь непонимающе поднял на нее мутные глаза. Кокаин выветрился, и осталась только боль внутри груди, которая нарастала мощными рывками.

– Ничего, – сдавленно отозвался он.

– У тебя взгляд такой несчастный, – тихо сказала она без тени насмешки.

Соколов не знал, что на это ответить, – просто стоял и смотрел на нее, и весь мир плыл, покачиваясь, и разбивался на куски вместе с лучами проклятого стробоскопа, который даже отсюда продолжал его слепить.

Ему вдруг показалось, что балаклава каким-то непостижимым образом все-таки узнала его, – и пол стремительно начал уходить из-под ног. Он часто задышал и схватился за стойку, чтобы не упасть, – и вдруг почувствовал на второй руке ее пальцы.

– Эй, эй, держись!.. Тебя отвести в уборную?

Он только кивнул – его накрыло сильнейшей волной паники и опьянения, которая стремительно заволакивала мозг и путала мысли.

Они вдвоем медленно дошли до туалетов, и девушка осталась снаружи, пока Соколов приводил себя в порядок.

Выйдя минут через пятнадцать, он чуть лучше стоял на ногах.

– Прости. Я давно так не напивался... Не стоило этого делать. Но мне нужно было что-то, чтобы не сойти с ума. Не хочу тебе врать. Твой проект – это именно то, что я так долго искал.

– Правда? – с удивлением спросила балаклава.

– Правда. – Он протянул ей руку. – Спасибо, что рассказала. И за помощь.

Девушка несмело протянула свою ладонь, их пальцы соединились, а потом они уже оба не помнили, как оказались в кабинке туалета. Они жадно кусали губы друг друга, лишь немного приподняв маски, балаклава тихо смеялась, а Игорь был весь натянут как струна: он не понимал, как вообще могло случиться, что ему в голову взбрело заняться сексом в туалете на вечеринке.

«Узнала или нет? А если узнала, то что? Что она мне сделает, это же просто девчонка...»

Он дрожал от странной животной опасности, которая исходила от девушки, и растворялся в мягком тепле ее рук, искавших ширинку. Соколов почти перестал дышать, боясь упасть в это целиком, довериться, стать беззащитным – и, возможно, узнанным, – но она уже обхватила ртом его член, и все стало неважным.

Очнулся он только тогда, когда напряжение в паху стало почти нестерпимым, – и застонал от волны наслаждения, прокатившейся от ног по всему телу. Соколов сладко вздрагивал, цепляясь пальцами за вязаную маску девушки и ее мягкие волосы под тканью. Балаклава стояла на коленях и держала его член во рту, с закрытыми глазами ощущая, как он кончает. Потом быстро проглотила сперму, вытерла рот, встала и обняла его. Он тяжело дышал.

– Ты как? – Она смотрела на тусклые серебристые блестки на стене туалета, не поднимая подбородка с его плеча.

– Плохо. И хорошо... Все одновременно... – Соколов нервно рассмеялся. – Как тебя зовут?

– Допустим, Кира. Или Марина. Или Оля. Какая разница?

– Можешь не отвечать. Номер оставишь?

– Ага. А тебе правда мой проект понравился, или ты просто потрахаться хотел?

– Мне ты понравилась. В тебе есть что-то такое... Я не знаю даже, как сказать. А проект – логичное продолжение этого. Понимаешь?

Девушка рассмеялась:

– Кажется, понимаю. Ой, у тебя тут бумажка выпала. Я на ней и запишу.

Балаклава подняла с пола клочок бумаги, нашарила в кармане платья ручку-диктофон и перевернула листок, собираясь нацарапать номер.

«Ваша мать при смерти в Пироговской больнице».

Он медленно проследил за ее взглядом и замер.

– Ох... Игорь. Мне очень жаль.

Кровь гулко застучала в висках. Он четко помнил, что не называл ей своего имени.

Соколов молча застегнул джинсы и натянул маску обратно на подбородок, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Мой проект называется «Капсула», – сказала балаклава еле слышно. – Держись.

Игорь кивнул и быстро вышел.

Когда за ним захлопнулись внешние двери туалета, девушка резко, как будто только этого и ждала, упала на колени над унитазом, сунула пальцы в рот, и ее вырвало.

– Блядь. Блядь! – тяжело дыша, повторяла балаклава. Она остервенело сплюнула остатки рвоты в грязную воду, вытерла руки о платье, натянула маску на лицо и вышла из кабинки.

Балерина

Игорь опоздал. Когда посреди ночи в роскошной, с французским шиком обставленной спальне Геворга Даланияна раздался звонок, мать президента уже лежала на столе больничного морга без признаков жизни.

Смерть ее, хоть и была предсказуемым окончанием длинной болезни, случилась очень быстро. Арина Соколова будто прыгнула в нее, легко и свободно, и очутилась сразу на другой стороне, без формальностей. Ее внешность почти не пострадала от перехода и просто стала чуть более неподвижной и отстраненной, чем всегда. Звезда Мариинки – черноглазая, строгая, белокожая и точеная, как мраморная статуя, она даже после смерти несла на себе отпечаток того, что окружающие обычно называли одаренностью и безусловным, выдающимся талантом.

Молодой врач, закрытый защитным костюмом так плотно, что были видны только глаза, занес скальпель над телом, и тот блеснул прямо над оголенной грудиной – там, где должно было быть сердце.

В этот момент его наручные часы оглушительно запищали в твердой, пропитанной формалином тишине. Он от неожиданности выронил скальпель: нож упал прямо под ноги, чуть не проткнув ступню.

– Слушаю! – Врач поспешно поднял запястье чуть выше и услышал то, что заставило его глаза расшириться. Часы отдали несколько коротких приказов, и молодой доктор, выдавив: «Я понял, извините...», поспешно вышел из бокса.

Балерина осталась лежать на столе в полном одиночестве, холодная и нагая, но по-прежнему величавая и спокойная, и если бы кто-то сейчас увидел ее не в блестящих сталью и хромом больничных декорациях, а на кровати, например, в номере гостиницы, то подумал бы, что она просто спит. На ее поблекшей руке сияло кольцо с крупным бриллиантом цвета шампанского. Камень впитал слепящий свет морга и посверкивал праздничным, живым блеском. Он напоминал о запахе пудры, тяжелых красных кулисах, сиянии сотен пайеток, уложенных идеально поверх твердого белоснежного корсета с китовым усом. Костюмеры затягивали этот корсет на Арине почти каждый вечер – много лет подряд. В нем она сжималась до состояния, когда готова была прыгнуть и пролететь даже сквозь игольное ушко, – и вставала на пуанты, легко и удивленно вытягивая руки вверх, как только что проснувшаяся в незнакомом месте молодая птица.

Именно такой ее и застал в закулисном коридоре Мариинки тогда еще подполковник Александр Соколов, двухметровый и широкий, тщательным образом выбритый, пахнущий дорогими духами – и без сомнений прущий, как крейсер, к своей цели. Балерина сидела на пуфике у стены и еле сдерживала слезы – выбегая со сцены, она подвернула ногу. Соколов подошел и уронил ей на колени тяжелый букет кремовых роз.

Через год, когда они, даже не расписавшись, спешно паковали концертные костюмы Арины, чтобы переехать в роскошную квартиру Соколова на улице Циолковского, она уже носила под сердцем их сына. И ее жизнь как будто остановилась, уступив дорогу маленькому темноволосому мальчику, которого она так и не простила за украденные несколько лет балетной жизни и пару десятков важнейших выступлений.

Вокруг Игоря всегда было много пустого пространства – толстый слой воздуха, который незримо отделял его от всех остальных. Этот воздух прилип к нему с детства, когда мать брала его на руки, только чтобы покормить или переодеть, а отец принципиально к нему не прикасался лет до трех: «не мужское это дело». Игорь был единственным сыном в семье, но Соколов-старший так и не смог найти причины любить его просто так. В голове полковника прочно сидела мысль, что любое расположение зарабатывается тяжким трудом, как в армии. Сын не

был исключением. И совсем скоро расстояние, которое с ним держали родители, стало для мальчика естественным, хоть и рождало смутный дискомфорт где-то в районе груди. Словно кто-то ковырял это место каждый день, как невкусный десерт, маленькой серебряной вилкой. Он сжился с этим чувством, и ему даже не приходило в голову, что ощущения от жизни могут быть другими.

В начальной школе этот воздух кристаллизовался в ледяную стену, которая только росла между Игорем и его матерью. В те времена Арина по ночам безутешно оплакивала ушедшего к какой-то еще более юной гимнастке Александра Петровича. Иначе как по имени-отчеству отца в семье называть было не принято, и мать ходила на цыпочках до тех пор, пока ходить стало не за кем.

Семилетний Игорь лежал в своей комнате, накрывшись одеялом с головой и прижав его подушкой сверху, и задыхался от душной темноты и слез. И не потому, что ему было больно от ухода отца, а потому, что он понимал: мать долго не пробудет одна. Как маленький зверек в беде, мальчик интуитивно ощущал, что в ее дальнейших планах теперь окажется только обузой.

Так и вышло. В скором времени Игорь был отослан в военную гимназию с полным проживанием – отец постарался напоследок – и после этого стал видеть мать дай бог если раз в месяц. Он изредка выхватывал ее тонкое, почти эльфийское лицо на городских афишах среди деревьев и людей, когда в выходные гимназисты выходили на пробежку в ближайший парк. А потом, спустя двадцать пять лет, когда он неожиданно для всех стал первым лицом государства, они поменялись местами. Теперь уже мать встречала в городе портреты сына, на которых он сиял уверенной улыбкой и призывал всех вместе строить открытое, лучшее будущее.

Будущее без нее.

И поэтому, когда Игорь в ночь на двадцать девятое апреля услышал в трубке сонный извиняющийся голос Геворга, который сообщил ему, что его матери больше нет, что-то содрогнулось в нем, пробило болезненную брешь, как в подводной лодке, и потрясло до самого основания. Но все остальные его части в ответ на этот удар кто-то равнодушный механически, будто переборки, задраил еще плотнее, не пропуская наружу потоки слез и запоздалых сожалений. Дроны тихо жужжали в ночи, снимая ничего не выражающее лицо Соколова, когда он, протрезвевший и сосредоточенный, быстро набирал в мессенджере указания для Геворга: «Не вскрывать. Не отдавать. Не хоронить и не кремировать без указания. Хранить в холодильнике».

И когда утром Рома Крестовский, обеспокоенный новостями от Геворга, осторожно поинтересовался, что случилось с матерью президента, Игорь просто и коротко ответил:

– Она умерла.

Водоворот

Все то время, что Игорь находился в полукруглом, темно-синем, с пятиметровыми потолками кабинете Крайнова на улице Гризодубовой, ему хотелось сбежать. Плевать, что о нем подумают, – это место он ненавидел с тех пор, как впервые оказался тут в семнадцать.

– Игорь Александрович, ну что ж вы как неродной – может, коньячку? – последнее слово Крайнов произнес игриво, одними губами, глядя на зависшие в паре метров от них камеры.

«Какого коньячку, десять утра».

Игорь спокойно улыбнулся и протянул Крайнову руку для прощания. Плечи военного были усыпаны золотистыми звездами, а мясистые ладони с седыми волосками на фалангах едва заметно пахли дорогими сигаретами. Соколова замутило.

– Дела, дорогой Михаил Витольдович, дела, надо бежать. Контракт с «Авиакорпусом» подпишем дистанционно, завтра. Но вам, конечно, ничто не мешает отметить это сегодня.

Часы Игоря прерывисто завибрировали новостями, которые они с Крайновым спровоцировали только что: «Крупнейший за пятьдесят лет контракт на поставку суборбитальных боевых ракет». «Частная компания „Авиакорпус“ получила контракт на 120 миллиардов крипторублей». «„Авиакорпус“ будет поставлять ракеты для российской армии в ближайшие три года». И так далее, и так далее.

Соколов резко высвободился из чересчур крепкого рукопожатия Крайнова и пошел к дверям. Михаил Витольдович только с виду казался безобидным коротышкой в погонах, вечно меряющим мелкими шагами кабинет. Игорь все еще помнил, как за стеклом другой комнаты – в Петербурге, где его допрашивали, – то и дело сменялись люди: в форме, в штатском, в наушниках, в AR-очках, с залысынами, коротко обритые, с серебристыми кейсами под мышкой. Крайнов прохаживался среди них лениво, как слегка растолстевший лев, – улыбался, шутил, присматривался к темноволосому пареньку, отпрыску своего подчиненного, и щурился от света потолочных ламп; щелкал пальцами и крутил сигареты в плотных широких руках, то и дело закуривая.

Люди Крайнова внимательно слушали Игоря, изучали и «щупали» его, как какого-то домашнего питомца, задавали бесконечные вопросы несколько суток подряд – не давая ему ни есть, ни спать, в обшитой металлом комнате, под прицелом тогда еще одной, огромной и старой камеры, которая неподвижно стояла на треноге.

На исходе первых девяти часов после жалобной просьбы Соколова выйти в туалет кто-то из зеленых человечков неожиданно и больно впечатал его лицом в стол. Игорь застонал и чуть не свалился на пол, а потом сзади подошел Крайнов, приобнял по-отечески за плечи и резко вытолкнул в коридор. Голова кружилась, все было в крови, но Игорь побежал, шатаясь, на негнущихся ногах – и он никогда так быстро больше никуда не бежал, ни до, ни после. Он сунул голову в раковину, хлестал ледяную воду прямо из-под крана и трясся – Игорь не мог плакать, только выть утробно. Потом, когда вынырнул, посмотрел на себя в зеркало – и не узнал.

Спустя много дней и допросов его наконец привезли на спецпоезде в Москву, в этот самый кабинет, который Крайнов тогда еще не занимал. Соколов не помнил, что ему говорили. Он стоял и смотрел на огромное, в полстены, изображение водопада, забранное в золоченый багет за спиной у какого-то высочайшего чина.

Чин лаял на Игоря рваными короткими фразами – что-то о долге, Отечестве, преступлениях, присяге и миллионах крипторублей. Было сложно понять, чего именно от него хотят, и поэтому Игорь предпочел изучать застывшие навсегда масляные буруны водопада и плавный, распадающийся на полосы водоворот. Он тащил за собой в пучину обломки кораблей с черными мачтами и вьющимися на ветру военными стягами.

Сейчас вместо картины всю заднюю стену кабинета занимали полки; на них опиралась маленькая приставная лесенка. Книги, еще книги, статуэтки, обломки военных роботов, кожа, тиснение, золото – Крайнов вряд ли хотя бы раз в год разглядывал свои сокровища, пожалуй, только когда хвастался перед высокопоставленными гостями или подписывал коллекционные монографии.

Соколов вышел не оборачиваясь. Ему в спину дышала назойливая делегация: Крестовский, коптеры, несколько человек из охраны, секретари и чины попроще, чем Крайнов.

Главное дело на сегодня было закончено – но едкий запах сигарет Крайнова оставался с ним до самого вечера, а когда Игорь между встречами ненадолго закрывал глаза, реальность словно проваливалась в невидимую яму и едва заметно вращалась вокруг своей оси.

В половине одиннадцатого он тайком проглотил таблетку, опустился на сиденье автопилота и вдохнул – глубже, чем стоило.

Там, снаружи, где все шумело, и смеялось, и посверкивало огнями в темноте, была весна. Пахло сиренью, пыльными дорогами, которые томились без дождя; звонили колокольчики роботов-курьеров, шипели электрокары – как диковинные насекомые, они тормозили у баров, взмахивали прозрачными дверями-крыльями и выбрасывали на улицы возбужденные толпы людей. Соколова не радовало это время: весь город вдруг одновременно выходил наружу и переодевался в розовый, белый и бежевый. Ему сразу хотелось носить только черное, чтобы, не дай бог, не измазаться в этой приторной борисвиановской пене.

«Веретено» в двойном кольце черных джипов двигалось очень быстро, но Игорь в деталях представлял себе город за окнами: вот башенки старинных высоток, вот законсервированные сталинки под углепластиковыми прозрачными колпаками, как экспонаты в музее, – а между ними тонкие зеркальные иглы небоскребов. Рекламные проекции размером в десятки этажей, публичные пространства с зонами дистанционной работы – и аутентичные подворотни с неоновыми лампочками, сохраненные, чтобы не разрушать московскую эклектику. Кое-кто из его «придворных» историков даже усматривал в этом отражение «особого пути России».

Игорь грустно усмехнулся и сжал в кармане токен с деньгами, который Крайнов сунул ему во время рукопожатия. Особого в России шестидесятых было, пожалуй, только то, что они не были пятидесятыми. Официально коррупцию победили с помощью камер, которые исправно делали свое дело – но от этого все стало только «ближе к телу», наглее и проще.

Народ дремал, лишь изредка взбрыкивая: люди всецело доверяли цифровой демократии и токенизации выборов, с тех пор как предшественник Соколова Николай Юльевич Лапин – пожилой, но наивный дурачок – внедрил ее одним движением руки.

Через полгода, вопреки предсказаниям политологов, Лапина не избрали повторно.

«Народное решение», «Ожидал благодарности в обмен на честность», «Политик-однодневка», – гудели тогда все блогеры и СМИ. Вот уж где ирония судьбы.

Игорь знал, что токенизация была всего лишь прикрытием для снятия с должности взбалмошного и небезопасного старика, но информация эта хранилась в тайне. Да и кто бы в нее поверил?

Лоббисты Соколова оказались умнее. Они вовремя «продали» его как лидера новой волны, программиста, технократа и дипломата, способного управлять всем этим цифровым хаосом. Хаос, микрочипы и нейросети пугали людей, а камеры и прозрачность – успокаивали. И именно поэтому Соколов, а не Лапин сейчас мчался в резиденцию сквозь темные размашистые промышленные пригороды с редкими пятнами экодеревень.

Игорь знал, что во втором справа джипе хмурый Рекрутов отдает распоряжения безопасникам «Семиречья» и они вместе с нейронками прогоняют последние чек-листы перед приездом президента.

Работать не было сил. Соколов надел очки и откинулся назад.

«Расчетное время прибытия в „Семиречье“ – 23:15», – мигнул в очках информер от Кристин.

Президент сменил угол обзора и достал из стопки проекций одну, дотронулся – и она распалась на сотни парящих в воздухе слов и фигур девушек и женщин. Они чуть заметно двигались, плавно вращаясь, как товары на витрине, их можно было трогать и крутить, чтобы точно не ошибиться с выбором.

Игорь привычным движением притянул к себе несколько фраз: «15 минут», «темный режим», «флуоресцент», «тропики», «птицы», «3-й размер», «171».

Его рука замерла над аватаром, который создавала нейронка по выбранным параметрам. Волосы девушки сияли серебристым пеплом, тяжелые и густые, отрастали и становились длиннее, пока не опустились почти до талии. Из острых скул ее торчали мелкие голубые перышки. Игорь смахнул несколько раз перед ее лицом – девушка недовольно поморщилась, и у нее изменился цвет глаз. Синие, зеленые, желтые, фиолетовые, серые... Да. Серые.

Потом Игорь выбрал ей одежду и украшения – быстро, почти небрежно – и скептически осмотрел свою поделку. Задумался, аккуратно похлопал девушку по плечу – и рядом с ней возникла полная ее копия, сестра-близнец, только глаза посажены чуть шире и на щеке алела узорчатая коралловая татуировка. Пепельные волосы «сестры» были заплетены в мелкие африканские косички.

Игорь ухмыльнулся, лайкнул близняшек и снял очки.

Спустя минут тридцать и несколько внушительных КПП вокруг кортежа замелькали блестящей темной водой каналы «Семиречья».

Если бы кто-то пролетал сейчас над его резиденцией, ему бы и в голову не пришло, что это рукотворный объект. Широко разлившиеся семь рек, которых до появления «дворца» Соколова тут не было и в помине, петляли витиеватыми изгибами, впадали одна в другую и огибали круглый остров в центре полузатопленной равнины.

На острове возвышался коричневый, естественной формы холм – огромный особняк, который был замаскирован под окружающий ландшафт. Невидимые окна его закрывали голографические щиты, а въезды для машин походили на глубокие впадины или изъеденные временем пещеры.

Сюда тоже неумолимо проникала весна, и окружающие «Семиречье» кустарники и лес, которые по последней моде не стригли вовсе, обретали отведенное им природой место и форму – и одевались в мелкую, рассыпчатую зеленую листву.

Соколов вышел из автопилота. Снаружи его ждала небольшая группа людей. Они тянулись за ним следом, вполголоса обсуждая новости дня, и гулкая весенняя ночь отскакивала от них, как камешки от подошв ботинок на дорожках парка.

А потом была бурная и унылая в своей стандартности вечеринка. Его несдержанно поздравляли с «Авиакорпусом» и «новой эрой вооруженных сил», Игорь много пил, стараясь казаться по-светски беззаботным, и вспомнил о ждущих его девушках-близнецах только под утро.

Он попрощался со всеми и уехал на тяжелом золотистом лифте, набитом растениями, на самый верх, под купол «холма», наскоро принял душ, накинул халат и подошел к дверям «темной комнаты».

От выпитого алкоголя и ярости, которую Соколов отчаянно сдерживал весь день, дышать было тяжело; он даже не понимал иногда, что чувствует, – только в конце дня руки и спина ныли так, будто он таскал на стройке мешки.

Игорь медленно надел тонкий черный ошейник с красной лампочкой – и он тут же обернул его лицо и тело в тончайшую, весьма реалистичную голографическую маску какого-то диковинного синекоржего эльфа.

Кристин не открывала дверь с другой стороны комнаты; она сканировала через камеры двух девушек – рыжую и брюнетку. Они выжидающе стояли перед ней и слушали монотонные условия контракта.

– Маски не снимать, к лицу не прикасаться, не целовать в губы, не разговаривать о политике и религии, не задавать вопросов. Получать удовольствие, быть готовыми уйти по первому требованию. Подтверждаете ли вы свое согласие на секс?

– Да.

– Ага.

Девушки ответили буднично и с готовностью – так, словно они были на приеме у врача или в нотариальной конторе – и переглянулись.

– Активируйте маски.

Спустя полчаса Соколов, абсолютно опустошенный и почти засыпающий, стоял у бортика огромного бассейна и готовился нырнуть. За границей стеклянного потолка были видны бледные утренние звезды.

«147», – завибрировали часы. Отправитель был скрыт.

– Блядь.

Соколов расстегнул ошейник, бросил его на пол и рухнул в воду. Она закружилась барашками над его растрепанной темной головой, которая тонула в неоне и синеве.

«Бум, бум, бум!» – стучало сердце тревожно и глухо, наполняя собой подводный мир.

Игорь вынырнул, только когда воздуха не осталось, и лег на волны – и они закачали его, как плот.

«?» – не отставали часы.

Ему хотелось орать – так, чтобы стены затряслись, стеклянный потолок обрушился на него сверху и он наконец перестал чувствовать гнет бетонной плиты.

«Ну где, где я вам возьму сейчас хоть что-нибудь приличное!..»

Он со злостью выпрыгнул из бассейна и, мокрый, уселся на бортик в ледяных плавках.

Развернул проекцию из часов:

– Кристин! Ищи все по проекту «Капсула». Все, что найдешь! Быстро!

В воздухе как будто вспыхнули одновременно тысячи бабочек: замелькали фото и видео, тексты и цитаты из новостей, гексабайты информации, спрессованной и развернутой Кристин перед нетерпеливым, беспокойным взглядом Игоря.

Он выхватывал фрагменты и отбрасывал, еще и еще, пока не добрался до нужного.

Мутная, размытая от увеличения студенческая 3D-графичка, снятая, очевидно, на какую-то дешевую мыльницу.

«Команда стартапа „Мыслекапсула“, победители второго раунда отбора в акселератор „Киберрос“. Академия нейронаук РАН, 2 февраля 2059 года».

Много молодых парней, какой-то пожилой академик в центре с сединой и внушительным пузом, всего пара девушек – одна почти вплотную к старикану, держит его под руку, заботливо, как дочка.

Он увеличил фото.

Так и есть. Она. Серые глаза, вздернутый нос, нахальный рот, темная челка, чуть подгибающиеся, очень худые коленки в плотных черных джинсах, кеды, безразмерная толстовка – Игорь узнал бы ее, даже если бы на этом фото она была в своей проклятой балаклаве с вечеринки.

Внизу живота все болезненно сжалось, и он со стоном рухнул в бассейн, проплыл дергающим кролем метров пятьдесят, отфыркиваясь, до другого бортика, и лег на воду, глядя вверх.

Над ним в невообразимой рассветной высоте, под самым куполом особняка, растянутое и размытое, плыло лицо таинственной девушки. Кристин вырезала ее из 3D-графики и максимально увеличила, заметив, что президент ею заинтересовался.

Глаза цвета дождливого московского неба качались над Соколовым, как электрический фантом, как призрак чего-то неясного и огромного, что сгущалось над ним. Вода обволакивала и едва заметно вращала разбитое от усталости тело, стремясь залить голову и погрузить его на дно.

– Как ее зовут? – хрипло спросил он, не отводя взгляда от фото, когда наконец смог говорить.

– Кира Мечникова.

НИИ

Просторная, заостренная, из края в край уставленная стульями и столами аудитория была похожа на выпущенную стрелу, которая внезапно воткнулась в деревянную преграду. В торце помещения жутковатым выпуклым наростом сгрудились ступени, которые поднимались ярусами все выше и выше, пока не упирались в строгий, сизый и пустой, как в протестантской церкви, потолок.

Ступени, словно образующие мозг какого-то исполинского существа, были изломанными и неровными, а их горизонтальные грани, предназначенные для сидения, то и дело отклонялись от прямой линии. Раньше, до покраски, они были из светлого дерева. Должно быть, их хотели срифмовать с аскетичной, скандинавской обстановкой НИИ, но внезапный творческий порыв неизвестного дизайнера навсегда нанес им непоправимый урон – ступени выкрасили отгаливающим рыже-золотистой краской. На гранях «мозга» можно было сидеть, но только цепляясь крепко и постоянно меняя позу, иначе тело безнадежно затекало минут через десять.

Кира заглянула в аудиторию: у «мозга», сосредоточенно сопя, стоял профессор Стрелковский и стучал кончиком ногтя по шартику микрофона, висющему в воздухе. Этот полноватый активный пожилой мужчина с паутинками волос над глянцево-розовой лысиной постоянно легонько раскачивался, когда говорил. Казалось, еще чуть-чуть, и Давид Борисович оторвется от поверхности и полетит к потолку, как морщинистый воздушный шар.

Его тяжелое дыхание астматика, отдававшее то хрипом, то свистом, досталось ему от службы в армии. Тогда он несмышленым молодняком вылетел из своего первого института и отправился на передовую одной из многочисленных локальных войн тридцатых, чтобы вжиматься в окопы и уворачиваться от пуль. Первые, тогда еще не слишком меткие вражеские роботы шмаляли по солдатам короткими очередями. Одна из таких шальных пуль и задела Давида, пройдя шею навывлет. Раны затянулись, но звук – это утрашающее дыхание смерти – остался с ним навсегда. Со временем звук обмелел, истончился и превратился в призрак, стал просто особенностью, которой сам Стрелковский почти не замечал.

Во время последних, но особенно жестоких войн тектонический разлом между Западом и Востоком окончательно разошелся. Кира хорошо помнила, как она об этом узнала.

Ей исполнилось восемнадцать. Она тогда еще не успела толком завести друзей после поступления в университет, поэтому встречала день рождения одна, гуляя по улицам в тонкой ветровке впервые после длинной холодной зимы.

В Москве остро пахло озоном и пылью, автомобили только-только начали переобуваться в летнюю резину и деликатно шупали сухой асфальт. В тот день объявили эмбарго на ввоз любых товаров и предметов с территорий западнее российских границ. И Кира даже не узнала бы об этом, если б не услышала, идя по Никитскому переулку, как двое в пиджаках и галстуках раздраженно обсуждают, что же им с этим делать.

Никто ее не ждал, и она никого не ждала, но побежала, словно куда-то опаздывая. Чтобы побороть тревогу, Кира стала сворачивать в улицы и переулки, потом надела очки и через силу принялась изучать историю зданий, мимо которых пробегала. Дома в центре впитали в себя не один десяток войн и революций – но только в виде новостей разных лет, которые волнами, лишь иногда докатывались до столицы. Город как будто существовал в параллельной реальности, ничего не принимая всерьез, – и многие москвичи вместе с ним. Подумаешь, что-то горит. Подумаешь, убили губернатора. Подумаешь, разбомбили военную часть. Все происходило так буднично и обычно – менялся цвет штукатурки, лили дожди, весной роботы сбивали снег и сосульки с крыш, но Москва оставалась все той же – быстрой, жестокой и неостановимой, и ничто не причиняло ей боль, ничто ее не смущало, ни от чего не сжималось в страхе и тоске ее каменное сердце.

Кира петляла по улицам и запутывалась все больше и больше, пока вдруг не остановилась в начале какого-то переулочка. Она давно сняла очки и быстро втягивала в себя воздух, чтобы отдышаться и успокоиться. Проезжая часть была перекрыта промышленными роботами. Все они делали одно и то же: закрепляли рядом с каждой вывеской и витриной на русском точно такие же вывески – на китайском.

– А-а-а, Кирочка... – довольно протянул Стрелковский, завидев ее у входа в аудиторию. – Я тут решил заранее прийти, даже техников еще нет, сам вот пытаюсь настроить.

Микрофон разнес его голос по пустому пространству. НИИ – старый, ступенчатый, с едва уловимой плесенью в потайных углах под сводчатыми потолками – загудел, как колокол, и Кира непроизвольно зажала уши.

Стрелковский поморщился и отошел от микрофона.

На первом курсе Кира восхищалась Стрелковским, все лекции слушала, открыв рот, потом напросилась лаборанткой, бегала ему за кофе и булочками – и принимала от него все – и похвалу, и брань, и даже пьяные слезы за полночь в преподавательской. Он долго жаловался ей, смущенно утирая нос и глаза бумажной салфеткой, что жену свою десять лет как похоронил, да так больше ни с кем и не сошелся, – и кому, кому теперь нужны все его труды, и ученые степени, и Нобелевская премия, о которой он вполне прагматично и амбициозно помышлял? Иногда Кире казалось, что Стрелковский смотрит на нее слишком пристально, будто намекая, что хваленые труды могут достаться ей, но она спешно отбрасывала подобные мысли, а Давид Борисович так же спешно отводил взгляд.

Он опекал ее, среди студентов Кира была его любимицей и имела право входить к нему в кабинет в любое время дня и ночи – притом, что требовал он от нее заведомо высокого уровня курсовых и лабораторных. Каждая ошибка Киры страшно удивляла его. Он аккуратно отводил ее в сторону – Стрелковский никогда не ругал при всех, берег ее самооценку – ласково смотрел ей в глаза и говорил что-то вроде: «Кирочка, мы же с тобой метим в большую науку, постарайся, ты точно можешь лучше».

И она старалась, и ныряла все глубже, и все точнее подбирала слова, и так ее ум постепенно превратился в безжалостный нож, который свободно рассекал водянистые параграфы учебников и вытаскивал из них суть – то, что могло превратить неуклюжий прототип «Мыслекapsулы» в идеальную машину будущего. И Стрелковский чувствовал это, и просто ждал, пока она завершит начатое, и то и дело клокотал любопытным коллегам с кафедры: «Мечникова-то? О-о-о, Мечникова далеко пойдет!»

– Так, а что это я стою! – хлопнул Давид себя по коленкам, обтянутым клетчатыми брюками. – Мы же прототип еще не подготовили! Пойдем-ка, и посигналь Вересу, пусть тоже подъедет, руки нужны. Сегодня будут сразу несколько инвесторов, говорят, кто-то из АП даже надумал приехать – кто-то мелкий, но все же. В пять обещались. Они, кстати, просили проверить исправность «Визитрона» по всему институту – некоторые из них будут проекциями, дистанционно, – поэтому Верес пусть пошевелится.

– Из АП? – с подозрением спросила Кира, и внутри неприятно защекотало. Ей очень хотелось спросить, кто именно будет оттуда, но она сдержалась, чтобы не вызывать у Стрелковского подозрений.

От того, с какой скоростью все развивалось, ее слегка подташнивало: с вечеринки прошло чуть меньше двух суток.

«Твою мать!» – мысленно выругалась Кира, чувствуя на шее удавку, и поплелась за Давидом готовить прототип «Капсулы» к показу. Судя по тому, как был возбужден и обрадован Давид, он всерьез полагал, что визит людей из АП – невероятная удача, счастливая случайность; что кто-то из них и вправду заметил его публикации на научных ресурсах. И Кире меньше всего хотелось его сейчас разочаровывать.

Давид был формальным руководителем «Капсулы», но все в НИИ знали, что аппарат придумала Кира. На втором курсе она с горсткой одноклассников собрала первый работающий прототип. Но, чтобы продвинуть проект и получить нормальные инвестиции, безвестных молодых студентов было мало. И тогда Кира пришла к своему научнику – пробивному пожилому ученому со связями. Тот ухватился за «Капсулу» как за последний шанс оставить след в науке. Мечникова без сожаления отдала Стрелковскому лавры первооткрывателя, а сама удовольствовалась ролью кофаундера «Капсулы» с пятьюдесятью одним процентом акций. Это был королевский подарок, за который Стрелковский не скупился для Киры на протекции и похвалы. С тех пор она фактически стала его названной дочкой и партнером в одном лице. Они подписали внушительное количество документов, и, хотя по ним выходило, что Стрелковский не имеет права в одиночку распоряжаться стартапом, продавать и обменивать его, первую скрипку на публике Давид с тех пор никому не позволял играть – даже Кире. И это ее вполне устраивало. Она обменяла публичность на покой и тишину лаборатории в подвальном этаже, где можно было безнаказанно проваливаться в цепочки ДНК, нейроактивность мозга и математически выверенные модели сна и бодрствования – и часами молчать, не чувствуя за это вины.

Вот и сейчас она даже не заметила, как пролетели целые часы, – ее руки машинально распаковывали цифровые архивы, запускали фрагменты нейронок для теста и настраивали «Капсулу» для деморежима.

Кира заглянула в пустую лабораторию на минус первом этаже и подошла к клетке с белыми мышами. Она заметила, что у них закончилась вода. Обычно во время презентаций они со Стрелковским транслировали сны мелких грызунов и показывали, как влиять на то, что видят мыши, через «Капсулу», как управлять их состоянием и, частично, мыслями – если можно было так называть обрывки их инстинктов и телесной памяти.

Мечникова подлила мышам свежей воды в емкость, из которой тянулась тонкая трубочка автоматического поильника, и, выдохнув, откинулась на черный неопределенный стул.

Покаталась на колесах туда-сюда.

«Половина пятого», – вязко подумала она, даже не глядя на часы.

Кира хорошо чувствовала время, к тому же слышала, как загудели в коридоре большие вентиляционные шахты подвального этажа, нагнетая дополнительный воздух в главный зал НИИ – туда, где на небольшой подиум водрузили прототип «Капсулы». Стрелковский стоял рядом с ним и отдавал последние указания.

Одна из мышей посмотрела на Мечникову из клетки не моргая – неподвижная и слишком удобная, чтобы ее не взять. Кира протянула руку, но вдруг отдернула: пленница укусила ее.

Кира наспех схватила другую мышь, сунула в банку и побежала по коридору, стараясь сфокусироваться на укушенном пальце, чтобы заглушить ярость и страх, которые вдруг забились изнутри, как бегающий и пищащий в банке грызун.

«Он нашел меня. Так быстро. И теперь он не отстанет».

Эта мысль оглушительно стучала в висках, но Кира гнала ее от себя, и бежала, мчалась вверх по лестницам, чтобы запыхаться и выгнать из себя страх, и войти незаметно через дверь под изломанными ступенями «мозга» прямо в большой зал, потому что знала: такие, как он, чувствуют страх.

Они всегда его чувствуют.

Кира торопливо сунула мышь кому-то из ассистентов, стоящих в зале. Отойдя к стене, она натянула на лицо медицинскую маску, а на голову – голубую шапочку-одуванчик, спрятав под нее темные волосы, и смешалась с толпой научных сотрудников.

Почувствовав себя в относительной безопасности, она бегло оглядела «мозг»: ступени едва ли были заполнены на треть. Посетители сидели кучками по двое-трое, некоторые дер-

жали в руках AR-очки, кто-то сложил на колени верхнюю одежду. На галерке сидела целая группа людей в темных пальто, которые даже не разделись и вообще не смотрели на сцену. Среди них был белоснежно-седой остроносый человек, который то и дело что-то бормотал, не обращая ни к кому конкретно и глядя стеклянными глазами в пространство. Кира поняла, что он говорит с кем-то, кого нет в зале, – наверняка в ушах у него наушники. Место рядом с седовласым было единственным свободным в этом ряду, остальные вальяжно заняли его коллеги и проекции чиновников всех мастей с флажками на лацканах цифровых пиджаков. Их фигуры то и дело вспыхивали и подергивались: «Визитрон» из-за старости и толстых стен института работал из рук вон плохо.

Стрелковский постучал по микрофону, и гудение голосов в зале постепенно затихло.

– Господа, рады приветствовать вас в НИИ нейробиологии и генетики имени Бахмутова. Меня зовут Давид Стрелковский, и сегодня вас ждет поистине впечатляющее зрелище. Сразу подчеркну, это лишь прототип, и в полной мере все возможности «Капсулы» могут быть...

Кира почти сразу отключилась от заученной речи Стрелковского, которую он повторял при ней минимум раз двести, и стала следить за зрителями.

В какой-то момент, когда в зале погас свет и Давид начал разворачивать висащие в воздухе большие проекции экранов для демонстрации снов, она краем глаза заметила всполох рядом с седовласым.

На пустом месте возникла проекция молодого парня, почти подростка, похожего на офисного клерка. Он прижимал к груди папку, красный широкий галстук был ему велик, русые волосы он будто нарочно растрепал. Это насторожило Киру, потому что проекции обычно выглядели аккуратнее, чем люди: они никуда не спешили, не могли потеть и беспокоиться. Ведь они были всего лишь фотореалистичными изображениями. И чем лучше работал проектор, тем более реальными они казались, особенно издалека.

Кира еще раз смерила клерка взглядом, но тот очень внимательно и серьезно уставился на подиум, сложив виртуальные руки с папкой на коленях, и лишь изредка поправлял на носу очки в черепаховой оправе модной формы «мягкий квадрат». Она хмыкнула и перевела взгляд на седовласого: тот что-то тихо говорил клерку на ухо.

– Прямое внедрение нейросети в человека во время бодрствования очень сложно в исполнении, – вещал Стрелковский, медленно ходя туда-сюда, а висащий в воздухе микрофон двигался за ним. – Сознание и реакции будут заглушать импульсы машины. Во сне блокирующая функция сознания ослабевает. Проще говоря, сон – это дверь без замка. И нам остается только войти внутрь.

Давид сделал театральную паузу и эффектно взмахнул рукой.

Аппарат на сцене тихо загудел, развертывая панораму смазанных образов спящей в центре зала мыши.

Кира скользила глазами по зрителям и наблюдала, как их лица из разочарованно-скучных постепенно становятся потрясенными. Она обожала такие моменты. Зрители в тревоге двигались к краям неудобных деревянных граней «мозга», чтобы рассмотреть происходящее получше и в который раз убедиться: вот оно, новое чудо света, чтение мыслей возможно и осуществимо, и они смотрят на это прямо сейчас.

Мечникова видит, как седовласый снова что-то бормочет клерку, но тот резко отмахивается, случайно роняет папку, и та рассыпается градом пикселей и исчезает. Словно в замедленной съемке, Кира наблюдает, как клерк поднимает руку, желая задать вопрос. Их взгляды пересекаются: она – у стены, он – на верхушке «мозга», на предпоследнем ряду, взгляд сверху вниз. Одно мгновение, но этого достаточно.

Кира, задышавшись, бежит к дверце в «мозге», чувствуя всем телом: он узнал ее, даже в маске, даже в толпе людей.

Она не слышала, что он спросил, да это было и не важно, – она просто мчалась сломя голову по лестнице в свое безопасное подземелье, к своим мышам, чтобы он никогда, никогда не нашел ее и забрал свои поганые деньги обратно. Она знала, что он их предложит, прямо сегодня, он скупит их с потрохами, весь институт, но ее он не сможет найти – и она никогда, никогда не отдаст ему «Капсулу».

– А там что? – Цифровой клерк, окруженный свитой из реальных людей и проекций, с любопытством приподнялся на цыпочки и посмотрел сквозь бликующую стеклянную стену на клетку с мышами, рядом с которой сидела Кира. Повернувшись спиной к посетителям, она склонилась над микроскопом.

– Кирочка, выйди, познакомься, это один из наших главных инвесторов, Федор Михайлович, он очень заинтересован! – Стрелковский хлопотал и беспокойно жестикулировал, пытаясь подать Кире знак, чтобы та вышла, но она сидела на месте.

Клерк оживился и сдвинул очки чуть ниже на нос:

– О, это Кира? Насколько я знаю, она кофаундер и владеет контрольным пакетом акций. Добрый вечер, Кира Евгеньевна!

Кира, словно защищаясь, прикрыла рукой шею, на которой вдоль верхних позвонков была набита веточка папоротника. Не снимая маски, она встала и спокойно прошла в дверь лаборатории мимо удивленной толпы.

– Компания не продается! – бросила она и пошла по коридору прочь. Ее фиолетовые кеды гулко стучали по полу, а позади нее Стрелковский нес какую-то чушь про женщин в науке и про то, что он с Мечниковой обязательно поговорит.

Клерк отделился от толпы и, остановив всех жестом, быстро пошел за Кирой.

Седовласый выразительно глянул на Стрелковского, и тот остался на месте.

Девушка шла и слышала легкое, но устрашающее жужжание проекторов, которые включались и выключались поочередно, по мере того как проекция клерка приближалась к ней. Кира вела его к выходу во внутренний дворик НИИ через анфиладу подсобных помещений, куда сотрудники обычно бегали покурить.

Она остановилась только перед дверью во двор. Снаружи, из-за стекла, закат теплыми низкими лучами ошупывал коридор. Кира обернулась.

Федор Михайлович стоял напротив и нагло улыбался.

– Долго имя выбирали? – Она пыталась справиться со страхом.

– А что? – как ни в чем не бывало ответил клерк. – Я люблю Достоевского.

– Он бы этому не обрадовался... – пробормотала Кира, пытаясь избавиться от ощущения сюрреализма. – Как бы там ни было, повторю еще раз: «Капсула» не продается.

«Он не отстанет. Господи, пусть он уйдет!»

– Да я и не собираюсь ее покупать. Просто хочу инвестировать, как мы договаривались. Переговоры? – мягко улыбнулся клерк.

– Я договаривалась, не зная, кто вы. Да и сейчас не знаю, могу только подозревать. Но подозрения слишком сильные. И если они оправданны, то «Капсула» не продается. И в нее нельзя инвестировать. И переговоров я не веду.

– Вот как? – Клерк снял очки и медленно сложил их в карман, обнажая ничем не прикрытое, идеальное и искусственное, как белый пышный блин, лицо, на котором выделялись знакомые илистые глаза. – А позавчера в клубе ты была намного сговорчивей. Да и сосала неплохо.

Кира задохнулась от гнева.

Так же медленно, как клерк только что складывал очки, Кира достала из кармана зажигалку и сигарету, сделала шаг к двери – та пискнула и раздвинулась.

– Знаете что, Игорь Александрович, – сказала она, и клерка передернуло. – Идите на хуй.

Дверь за ней захлопнулась, и он увидел, как она снимает маску, неторопливо, с удовольствием прикуривает, выпускает вверх перышко дыма и устало прикрывает веки.

Игорь беспомощно смотрел на нее – а за ней, *за нее* были вся весна, весь город и шум бегущих куда-то улиц, весь этот яркий, щемяще-прекрасный, огромный мир, и солнечные лучи, которые откусывали жадные куски от его проекции, а он даже не мог выйти наружу: «Визитрон» не работал вне здания.

Соколов закрыл глаза – и открыл их снова только у себя в кабинете для видеоконференций. Он растерянно стоял на белом ковре, на который бесшумно осыпались с его кожи маленькие магнитные контакты. Но на самом деле пикселями осыпался он сам – в том коридоре, где она смотрела ему в глаза.

– Ах, не продается... – тихо и зло сказал он, глядя в пустую стену – туда, где минуту назад была Кира. – Это мы еще посмотрим.

Предложение

– Кхм... – неловко прокашлялась Кира.

Широкополосный микрофон ловил каждый шорох. Маргарита, ведущая подкаста «Что-то на научном», расширила глаза на Киру, чтобы мотивировать ее говорить.

– Всем привет.

«Ну давай!» – умоляюще сложила руки Маргарита.

– Я Кира Мечникова, кофаундер проекта «Капсула». Мы занимаемся... скринингом подсознания через сны.

Маргарита закатила глаза и подняла большой палец.

– Зачем это нужно? Например, представьте, вы пострадали в автомобильной аварии. Вам неприятно, и вы перестали ездить на машине, потому что боитесь. «Капсула» поможет переписать эти воспоминания, удалить страх, и автомобили – снова ваши лучшие друзья. Круто, правда?

Правая рука Киры нервно перебирала пальцы левой. Взгляд девушки упал на черный постер, висящий у входа в небольшой предбанник рядом с лабораторией, где они сидели. Постер орал на нее белыми рублеными буквами: «Wake up, Neo...»⁴

Маргарита смотрела с усталым ожиданием.

– У нас есть прототип, – с трудом продолжила Кира, – и мы только-только начали привлекать инвестиции, но помещение, в котором мы находимся, не подходит для того, чтобы сделать полноценный образец «Капсулы». Наш НИИ, понимаете, он очень старый, а для работы «Капсулы» нужно стабильное напряжение, ну и много всего другого, не буду вас нагружать. У нас тут кое-где штукатурка сыплется, а ремонт капитальный от правительства Москвы обещали, но все никак не...

Маргарита шумно выдохнула и остановила запись.

– Это точно придется вырезать. Я вас прекрасно понимаю и очень вам сочувствую, но мы – аполитичный подкаст.

Кира усмехнулась:

– Ну, вырезайте.

Маргарита снова включила запись.

– А еще нам нужны добровольцы для испытаний. Пока что это совсем простой тестовый режим, вы даже не будете в полной мере спать – просто небольшой транс для погружения в ваше подсознание. Это абсолютно безопасно.

– Так, погодите! Давид Борисович из командировки меня заверил, что вы расскажете о нюансах скрининга подсознания, о самой технологии, а не будете в эфире искать себе подопытных. Это совсем не то, что нам нужно, Кира. Совсем не то. Прошу вас, сосредоточьтесь.

Ледяной свет в лаборатории вдруг мигнул, и они с тревогой подняли головы.

– Блин, опять ребята что-то обкатывают, напряжение скачет. – Кира беспокойно заерзала. – Извините! – Она вскочила и побежала к дверям.

– Стойте! – ахнула Маргарита.

– Я вам пришлю запись, хорошо? Оставьте микрофон? Простите! – донеслось из коридора до разъяренной ведущей.

– Какой, блин, микрофон, он стоит как вся эта контора... – Маргарита устало потерла переносицу.

Гудела вентиляция, помигивало потолочное освещение. Маргарита сунула микрофон в металлический кейс, обшитый изнутри черным полипропиленом.

⁴ Просыпайся, Нео... (Англ.)

Подняв глаза, она обомлела.

Три темные мужские фигуры рассредоточились от дверного проема по помещению, осматривая стены и потолок. Они были в масках и подозрительно походили на ОМОН.

– Э-э-э... Вы кто?

Фигуры не отвечали. Один из мужчин с грохотом придвинул к стене пустой стол и взобрался на него, вытащив из кармана штанов лазерный сканер.

– Камеризация, – хмуро буркнул невысокий пришелец, одетый полностью в черное. – Звоночек поступил, что у вас тут камеры не стоят. А объект, между прочим, государственной важности.

– Так, извините, но я тут ни при чем. Я не сотрудник. – Маргарита поспешно подняла одну руку, во второй болтался кейс с микрофоном. Она профессионально прошмыгнула ко входу. – Я пресса!

– Иди-иди, – равнодушно хмыкнул пришелец с лазером. – Ты нам и не нужна.

Кира стояла этажом выше и отчаянно ругалась в наручные часы. Окружив ее плотным кольцом, растерянные сотрудники наблюдали, как черные фигуры заполняют периметр тестировочной. Они двигали стулья и столы к стенам и взбирались на них по-паучьи, цепляясь магнитными перчатками за поверхности, не говоря ни слова.

Прототип «Капсулы» высился в центре комнаты на небольшом подиуме, и его они пока не трогали.

– Давид Борисович, я не понимаю! Сначала вы подослали ко мне эту полоумную ведущую, которой вообще плевать на то, чем мы тут занимаемся, а теперь у нас в здании камеризаторы. Вы же обещали! Сказали, что мы не пострадем от вмешательства госов, что вы договоритесь лично с... Федором Михайловичем. Я?! Да я не могу вообще с ним разговаривать, это невозможно!

Часы что-то монотонно бубнили ей в маленький наушник-капельку, вставленный в левое ухо.

– Ах, вы не знаете, кто прислал камеризаторов?! Да, блин, все знают, кто это сделал! Просто бояться сказать! – выкрикнула в сердцах Кира и нажала «отбой», заглушив оправдания Стрелковского.

Она со злостью запахнула медицинский халат поплотнее и демонстративно села рядом с «Капсулой» на стул, всем своим видом говоря, что пришельцы смогут забрать устройство только через ее труп. Но, похоже, черные фигуры действительно пришли всего лишь поставить камеры.

– Слышь, Кира, – осторожно шепнул ей бэкендер Миша Норкин, которого все звали просто Микой, – а чё ты такого натворила?

– Я?! Мика, обалдел?! Я ничего не сделала!

– Да ты новости посмотри. Мы теперь, можно сказать, экстремистская организация, да еще и на чужой территории. Частной.

– Что-о-о?! – Кира схватилась за голову.

Мика только развел руками.

Она вытащила очки из кармана и начала гуглить.

«Частный инвестор выкупил полуразрушенное историческое здание НИИ нейробиологии и генетики имени Бахмутова и всю прилегающую территорию, чтобы полностью восстановить постройку и сделать в ней музей, отражающий историю российской науки на протяжении XX века. Тут будут представлены образцы...»

– Мммм. Музей науки вместо настоящей науки. Очень предсказуемо.

«Глава института Давид Стрелковский подтвердил двадцать минут назад эту информацию, однако выразил надежду, что сотрудники НИИ и все их разработки не пострадают. Поскольку НИИ арендует это помещение у государства, встает вопрос, куда переедут все оборудование и люди после перехода института в частные руки...»

«Входящий вызов. Номер скрыт».

Красная надпись ворвалась в виртуальное пространство под очками, где Кира сканировала новости.

– Дай угадаю, – голос дрожал от злости, но она нажала «принять» на часах.

На том конце молчали, только слышались легкие щелчки, как будто разговор записывался.

Кира сдвинула очки на затылок, обвела блестящими глазами тестировочную и нашла единственную, установленную только что камеру, которая настойчиво прожигала ее красным огоньком. Она посмотрела камере прямо в «глаз» и вдруг отчетливо услышала в трубке пробирающий до мурашек знакомый голос:

– Здравствуйте, Кира Евгеньевна. Вы все еще не готовы меня выслушать?

* * *

– Вы осознаете, что отжимаете у меня проект?! – Она стояла и курила в коридоре, в глухом тупичке, где никого не было, кроме нее и невидимого голоса в наушниках.

– Я не хочу этого, – обеспокоенно ответил голос. – Поэтому и предлагаю компромиссное решение. Я все продумал, просто доверьтесь. Наденьте очки.

Кира закрыла глаза ладонью, сдерживая слезы.

– Довериться *вам*? – с нажимом произнесла она, сдерживая истерический смех.

В наушнике снова повисла тишина.

– О'кей, – тихо сказал голос. – Я понимаю, это может быть... сложно. После нашего предыдущего разговора. Но вы ведь и не обязаны соглашаться.

– Да что вы?! А у меня есть выбор?

– Кира, просто наденьте очки. Вам это ничем не угрожает.

Тишина в наушнике стала звенящей, она обжигала.

Голос не давал ей больше никаких намеков – он просто ждал.

Кира со стоном протянула руку к затылку и спустила очки на нос.

Когда она открыла глаза в виртуальном пространстве, ее ослепило солнце. Вокруг разлеглись бескрайние зеленые газоны, витиевато вписанные в геометрические фигуры. Ромб, квадрат, треугольник, круг. Конусы.

«Что это?.. Поле для гольфа?»

Мечникова смотрела дальше, и ее взгляд поднимался все выше и выше, вслед за камерой, которая плавно вела Киру по залитым солнцем газонам к белоснежному малоэтажному зданию, похожему на пышную заснеженную вершину горы. Вокруг «горы» сновали строительные роботы и люди.

«Взгляд» Киры облетел «гору» сверху и со всех сторон: масштаб этой стройки был невероятным.

– Догадываетесь, что это? – осторожно спросил голос.

От «горы» тянулись витиеватые тоннели, ведущие к блестящим ангарам из зеркального стекла. Всю постройку огибали тонкие каналы с прозрачной водой, они плавно текли от горы и заканчивались круглыми лакунами, широко открытыми, как удивленные голубые глаза ребенка-великана.

– Это... – Кира запнулась от шока – Оно настоящее?

– Это новый научный центр по изучению мозга. И он ваш, – спокойно ответил голос. – Лучшие экспресс-архитекторы трудились над ним эти долгие... две недели. Вам нравится?

Кире казалось, что она видит усмешку на незримых губах обладателя голоса.

Она не могла оторвать взгляд от верхушки «горы», которую будто срезали ножом, как беже с праздничного торта. На месте среза располагалась маленькая уютная веранда, там стояли высокие растения в кадках и полосатые шезлонги.

– Я вам не верю. – отрезала она. – Я этого не просила.

– Вот документы.

По виртуальному пространству побежали строки.

– Сорок девять процентов у Давида, пятьдесят один процент вам, все по-честному. Земля тоже ваша, частная собственность, помещения сданы в аренду другим технологическим проектам, чтобы к вам было меньше внимания. Вы же не любите внимание, да?

Камера полетела дальше, а вместе с ней и обезоруженный Кирилл взгляд в очках.

Они промчались сквозь огромные помещения, залитые светом, новенькие блестящие боксы, лаборатории и переговорные комнаты, сверкающие табличками из закаленного стекла, и наконец снизились в круглом белом зале. В центре возвышался пустой подиум с мягкой подсветкой по периметру.

– Я... Мне это не нужно, – сглотнув, опять возразила Кира, одновременно представляя, как бы смотрелась «Капсула» на этом подиуме. – Я не люблю ни к чему привязываться.

Голос помолчал, а потом ответил:

– Вы можете его продать. Например, мне. И ни к чему не будете привязаны.

Кира хмыкнула:

– Ну уж нет.

– Я так и думал, – усмехнулся голос. – Поэтому он ваш. С новосельем. Надеюсь, пригласите меня на кофе.

Кира снова замолчала, и голос как будто понял, что переборщил.

– Что вас смущает? – спросил он.

– Да только то, что вы все еще пытаетесь меня купить.

Голос тяжело вздохнул:

– Я не могу скрывать, что для меня принципиально важен этот проект. Но у меня нет цели вас подкупить. Я просто хочу, чтобы ваши идеи увидели мир. Я дарю вам возможность достичь того, о чем вы всегда мечтали. Но вы сделаете все сами. Обещаю не вмешиваться.

– Господи, ну вы же врете! – выпалила Кира. Она почти сдалась.

Голос рассмеялся:

– Кира, Кира, ну вы как маленькая девочка! А, впрочем, вы она и есть. Откуда в вас столько недоверия к миру? Неужели вы думаете, что я уговаривал бы вас, если бы просто хотел забрать проект? Услышьте меня. Я дарю вам это здание. Просто так. Ваше право взять или отказаться. Документы уже в НИИ. Всего доброго!

В наушнике раздался щелчок, и все стихло.

Кира продолжала смотреть с высоты на «гору» и копошащихся у ее подножия маленьких существ, пытаясь понять, в чем подвох. Голос Соколова продолжал звучать в ее ушах. Все тело кричало, что такого не может быть, что мир жесток и несправедлив, что сильные всегда побеждают слабых, что теперь ей нужно быть в десять раз умнее и осторожнее и что это все до добра не доведет, что она может просто не брать ничего и они переедут – правда, пока непонятно, куда и на какие деньги. И все закончится. Все это просто закончится.

«Не закончится», – сказал металлический голос у нее в голове.

– Господи... – прошептала она и сняла очки.

Напротив стоял Стрелковский.

– Кирочка, дорогая! – Его глаза сияли – Ты видела? Ты это видела, черт тебя дерь?! Это же просто восторг, это наше, наше теперь! Центр наш!

– Я еще не согласилась, – глухо ответила она.

– Как?.. – ошарашенно переспросил Давид. – Ты... что? Да ты посмотри на ребят, на всех нас! Все просто на ухах стоят от радости! Это совершенно, абсолютно новый уровень. Там даже есть душевые и спортзал, ты представляешь?! Кира, очнись! Мы все, твоя команда, на тебя рассчитываем. Такого шанса больше не будет. Ну?

Стрелковский, ее умный и одновременно такой глупый профессор, ее дорогой профессор, смотрел на нее – и умолял сдаться. Она слышала в молчании коридора, как этажом выше, в тестировочной, кто-то открыл шампанское. Пробка ударилась о стену, и раздался взрыв хохота – счастливого и беззаботного смеха людей, чье будущее определено. Смеха людей, которые безоговорочно доверяют миру.

Она тяжело вздохнула, и Стрелковский хлопнул ладонью о стену и выкрикнул:

– Да! Да, да, да!

Мах 1*1: Частный инвестор выкупил полуразрушенное историческое здание НИИ нейробиологии и генетики имени Бахмутова и всю прилегающую территорию, чтобы полностью восстановить постройку и сделать в ней музей, отражающий историю российской науки.

Arrat: И что это значит?

Мах 1*1: Он дергается, ему очень нужно то, что находится в НИИ

Arrat: А что там?

Мах 1*1: Погугли

*Пользователь Мах 1*1 офлайн*

По ту сторону

Прошел месяц с тех пор, как весь научный состав «Капсулы» переехал в новое здание, построенное в престижном загородном районе Ситцы. Кира определила, сколько прошло времени, только по едва заметной царапине на пальце – порезалась, пока сгребала в картонную коробку остатки вещей с рабочего стола в старой лаборатории. Коварно торчащий нож для пластика полоснул от ногтя до сгиба пальца, войдя в тело, как в масло. Она подняла руку к глазам: кровь выступала не торопясь, будто с опаской выглядывая наружу.

Кира осмотрела кабинет с погасшими ребрами ламп и мутными от старости стеклянными перегородками. Он выглядел осиротевшим и каким-то особенно пустым. Она и раньше не держала тут ничего лишнего, все только по делу: образцы тканей, несколько моделей мозга в разрезе, карта человеческого тела, десять принципов формирования нейронных связей, оформленные в аккуратную памятку в рамке, плакат с фразой о Нео...

Да, пожалуй, плакат был единственным эмоциональным предметом здесь. Он напоминал Кире, зачем она все это затеяла. Иногда она работала так много, что не успевала есть, смотреть на часы и не откликалась на свое имя. Это «зачем» заставляло ее частенько оставаться на ночь в лаборатории и спать на матрасе, который раньше стоял скрученным в подсобке. Вчера она его наконец выбросила, надеясь, что на новом месте найдется хотя бы кушетка.

Кира даже в мыслях пока не называла новый научный центр своим. Ей мерещились злые, колючие глаза «Федора Михайловича» в коридоре, и она непроизвольно вздрагивала. Его «подарок» Кира не могла назвать насилием – но это было именно оно. Он как будто зажал ей рот руками, чтобы не дергалась, – но руками деликатными и мягкими, как тогда, в клубе.

«Что у тебя в голове, Соколов? Чего ты добиваешься?»

В глубине души она знала ответ: Соколов хочет полного контроля и подчинения, чтобы спокойно делать с ней все, что заблагорассудится. Но это была слишком страшная мысль, чтобы признать ее здесь и сейчас, на пороге новой жизни.

Кира быстро опустила на колени и стала шарить в тумбочке, ища пластырь. Она подумает об этом позже, а пока просто остановит кровь.

Остановит эти дурацкие мысли.

«В конце концов, по документам это действительно мое здание».

Нет, не твое.

Голос изнутри был неумолим.

«Ну и черт с тобой! – рявкнула она голосу. – Заткнись!»

Голос не ответил, и Кира, пискнув карточкой, пошла по коридору. Она прижимала к себе коробку, будто та была спасательным кругом, а ей предстояло нырнуть за борт, в бушующее ночное море.

* * *

Кира очнулась от воспоминаний, все еще глядя на палец. Она сидела на веранде научного центра в шезлонге и смотрела на безмятежные поляны зеленой травы и синеющие каналы с водой внизу. Было самое начало июня, облака по небу бежали быстро и все еще дрожали от холодного дыхания только что закончившейся весны.

Ветер менялся, и Кира, ежась, натянула на плечи клетчатый плед. Облака загибались в плавное полукольцо у самого края неба, будто заглядывали за горизонт реальности, туда, где таилась недостижимая и абсолютная истина мира, которую Кира так силилась понять и осознать. Этот потусторонний мир лежал за пределами человеческого взгляда, и лишь облака,

как проводники между реальностями, видели и ту и эту сторону, да еще «Капсула» иногда во время экспериментов на людях могла приоткрыть эту завесу – по крайней мере, так Кире казалось. Раньше добровольцев, готовых испробовать аппарат на себе, было очень мало – теперь же очередь, судя по электронной записи, растянулась на несколько месяцев вперед. Откуда такой наплыв, Кира не уточняла, но подозревала, что это тоже дело рук Соколова. В основном среди добровольцев значились хронические должники, которые по нескольку раз закладывали свои квартиры в обратную ипотеку в разных банках, или условно осужденные, желающие скостить срок, или студенты, у которых никогда не бывало денег, но оставалось достаточно смелости, а медстраховку обеспечивал сам центр.

Когда подопытные засыпали, Кира садилась в специальное кресло проводника и сама погружалась в некое подобие сна – пре-сон, как она его называла, нечто похожее на легкий наркоз, когда мозг достаточно инертен, чтобы впустить в него чужие сновидения, смешанные с генеративными объектами из «Капсулы». Она шла по зеленым лесам, школьным коридорам, площадям диковинных городов, похожих то на Милан, то на Барселону, то на Сингапур, спускалась в пропасти и висела на страховочных крюках, пытаясь разглядеть самые ценные «алмазы» – знаки из глубинных слоев психики, которые принадлежали чужому мозгу, куда она проникала раз за разом, встречая то болезненные воспоминания, которых хватало с избытком, то счастливые – их, как правило, было гораздо меньше. «Капсула» охотно подхватывала основную тему сна и генерировала правдоподобные ландшафты и окружение, стараясь сделать сон максимально реалистичным, – ведь во сне мы почти никогда не видим все детали, а чтобы подсознание «раскрылось», они обязательно нужны.

При необходимости нейронка добавляла деталей, чтобы спящий мозг ничего не заподозрил. В сложных случаях, наоборот, чуть размывала снареальность, смещая фокус внимания со странностей, и мозг и взгляд спящего послушно устремлялись туда, куда нужно было проводнику – то есть Кире. Ей нравилось «серфить» по снам, она находила в этом успокоение, которое иной раз получаешь, глядя на ровное пламя свечи или на тлеющий в глубине комнаты камин, – потому что все в этих снах по ту сторону – даже самые ужасные вещи, даже убийства и пытки – было предсказуемым. Понятным. *Безопасным.*

«Не таким, как в жизни».

Кира до боли сжала ручки шезлонга из дорогого, испещренного красивыми природными линиями лакированного дерева. Надо отдать должное людям Соколова – они постарались на славу. Каждая мелочь, начиная с натуральных каучуковых зубных щеток и белоснежных простыней в мини-отеле для сотрудников НИИ, заканчивая новыми, сияющими хромом и латунью инструментами в лабораториях, была сделана с таким педантичным вниманием, что хотелось остаться здесь очень надолго – или навсегда.

Ошалевшие сотрудники не скрывали своей радости. Бродя по коридорам, они восторжались простором и чистотой, дорожкой медицинской техникой, явно закупленной со знанием дела и после десятка консультаций с соответствующими специалистами; уютными кофе-пойнтами и пухлыми современными креслами в каждом углу, где можно было присесть и перевести дух между делом. Это был самый настоящий дом, поэтому многие почти сразу перевезли сюда все свои вещи, и никаким калачом их нельзя было заманить обратно, в гулкое старое здание НИИ на Ленинском проспекте.

Кира с удивлением наблюдала, как Анжелика Ольгердовна, которая отвечала за электронный архив и никогда не носила ничего элегантнее серого рабочего халата, вдруг перекрасилась, стала завивать кудри и ходить на каблуках. Их администратор, отвечавший за закупки, дородный Степан Сергеевич, приосанился, купил шоколадный костюм и стал регулярно подстригать кустистые седые усы. Даже сам Стрелковский наконец преобразил остатки волос, вечно торчавших в разные стороны, в аккуратную стрижку и приобрел блестящий внедорожник, чтобы мотаться за город. Также он и еще несколько сотрудников разжились ботинками для гольфа и

стали поигрывать в него на небольшом хорошо оборудованном поле, которое ловко умещалось между двух холмов рядом с черным входом в центр.

После переезда в НИИ все чаще стали заглядывать журналисты. Они толпились у забора, пытались запускать дроны с камерами, но охрана даже не разгоняла их, просто лениво поглядывала в их сторону и снова утыкалась в служебные гаджеты.

Кира долго не поддавалась всеобщей истерике, продолжая одеваться, как обычно, в джинсы и толстовки с кедами. В какой-то момент Стрелковский даже намекнул ей, что хорошо бы что-то с этим сделать, все-таки тут часто бывает пресса. Он даже сунул ей токен с деньгами, но она брезгливо поморщилась и не взяла его. Самой себе Кира платила сравнительно небольшую зарплату. «Художник должен быть голодным, – любила говаривать она под нос, когда в виртуальных магазинах заглядывалась на вечерние платья, которые ее странным образом манили. – Да и куда мне их носить, в самом деле». Однако ей пришлось все-таки купить туфли на небольшом каблучке, чтобы не выглядеть на фоне остальных совсем уж расхлябанно, – хотя бы для посещения головного офиса на пятом этаже, для менеджерской работы и всяких формальностей, которых появилось чересчур много, как только у «Капсулы» стали водиться деньги. В конце рабочего дня Кира с чистой совестью забрасывала туфли под стол, с наслаждением натягивала кеды и спускалась туда, где на сияющем подиуме стояла «Капсула», тихо шуршащая в наушники мелкими стеклышками, словно жалуясь на усталость после долгих часов экспериментов. Кира слушала этот белый шум, не засыпая, и в такие моменты острая, как коготки хищной птицы, мысль скреблась где-то в районе затылка.

Соколов не приходил.

Это было странно и пугало до чертиков, потому что Кира рассчитывала абсолютно на другое. Она ощерилась, как волчица, и готова была защищаться и отбивать его нападки. Девушка придумывала миллион едких ответов на любой грязный намек из тех, что Соколов исправно выдавал во время репетиций в ее голове, но правда была в том, что никакого Соколова она так пока и не видела.

Ни в старом НИИ, ни в клубе она не видела его настоящего лица.

Был ли это вообще он?..

А если не он, то кто?

И зачем ему все это нужно?..

В такие моменты она раздраженно прыгивала с кресла проводника и бежала к выходу из лаборатории, не в силах выносить это тяжелое, томительное ожидание, для всех прочих превратившееся в праздник.

Федора Михайловича в центре ждали каждый день.

Полы всегда драили до блеска, вода в зале совещаний искрилась сквозь бока дорогих стеклянных бутылок с золотистыми крышечками, генераторы «Капсулы», включая резервные, были полностью заряжены, в прелоадинг-комнате установили последний билд и все обновления – но их главный инвестор оставался загадкой и пока ни разу не почтил их личным присутствием.

«Говнюк!» Кира листала каталоги туфель в AR-очках. Она купила проклятые дорогие колодки именно в тот день, когда ее интуиция особенно сильно кричала: «Вот уж завтра точно, он точно приедет, такого не может быть, чтобы он просто отстал, он же вложил в нас столько денег, так не бывает, не бывает...»

И Кира знала, что он знает, что она об этом думает.

И именно это укрепляло ее в мысли, что и за маской «Федора Михайловича», и за черной медицинской маской и золотистыми линзами в клубе скрывался именно Соколов. Это было абсолютно в его стиле – «мягкая сила», как он пафосно любил говорить, сияя улыбкой с экрана во время якобы сложных переговоров.

«Говнюк!» – повторила про себя Кира и забросила в виртуальную корзину первые попавшиеся туфли.

А спустя две недели Соколов все-таки явился, и ее отпустило, потому что встреча оказалась совсем не страшной – скорее странной, и вел он себя абсолютно не так, как она ожидала.

Стоял глубокий синий июньский вечер. На равнине, где расположился НИИ, от пронизывающего ветра не спасали даже искусственные холмы. Кира курила на заднем дворе, глядя на опустевшее поле для гольфа. Одинокий белый мячик, пропущенный роботом-сборщиком, лежал рядом с лункой и легко покачивался от ветра, как белый, сваренный в бульоне вечера, хрусталик диковинной рыбы. Вдруг огромные решетки ворот медленно разъехались, впуская кортеж из черных одинаковых машин, и Кира испуганно попятилась к дверям, но сдержалась и все-таки осталась посмотреть. Она обхватила плечи ладонями, отступила в тень козырька над входом, втянула в себя и выпустила дым.

Никто не выкатывал красных дорожек, не встречал визитера с пирогами и не включал свет в бесконечных кабинетах и лабораториях – было десять часов вечера и обычный четверг, почти все уже разъехались, а Кира, не привязанная толком к полупустой квартире в Москве и не обремененная никакими обязательствами, оставалась обычно допоздна.

Он поставил ногу на асфальт и поднялся во весь рост между двух телохранителей – узкоплечий, с длинными руками и ногами, еще более худой, чем в своих стримах, уставший, но с безупречно уложенными на пробор волосами и провалами темных глаз, совсем нечитаемых в сумерках.

Соколов плавно осмотрелся и будто принялся, как гончая, и безошибочно уставился в нишу рядом со служебным входом, хотя Кира стояла не под фонарем и старалась быть максимально тихой и незаметной.

Президент улыбнулся одними уголками рта, увидев огонек ее тлеющей сигареты:

– Здравствуйте, Кира Евгеньевна. Нашелся час в расписании, захотелось узнать, как вы устроились на новом месте. Покажете мне «Капсулу»?

Кира смотрела на него и видела в его позе, в выражении лица и фигуре совсем не то же самое – точнее, нечто совсем иное, чем у тестировщиков из электронной очереди.

Тестировщики делали это каждый в своих целях, не понимая, на что идут и что ждет их по ту сторону.

А Соколов хотел этого. Как фанатик или больной, она не знала точно, но он был готов.

И Кира словила – на одно мгновение – в его изменившемся лице, что он думал об этом все то долгое время, что его не было.

Думал о *той стороне*.

– Добрый вечер, Игорь Александрович, – спокойно ответила она. – Конечно.

* * *

Холл научного центра сиял от мелких лампочек, которые хаотично расплзались по плавным изгибам потолка. Он имитировал поверхность мозга, и казалось, что посетители попадают внутрь чьей-то головы.

Соколов ничего не объяснял, не отдавал указаний – он даже не протянул ей руку, чтобы зафиксировать наконец их знакомство, словно это было что-то само собой разумеющееся.

– Итак, что вам было бы интересно? – Невольно копируя Стрелковского, Кира слегка раскачивалась с носков на пятки.

– Удаление эмоций и воспоминаний, – коротко ответил Соколов.

– Э-э-э. Вот так сразу?

– Ну, я же не о себе.

– А о ком?

Он замолчал, разглядывая потолок. Кира пока не наловчилась бескомпромиссно резать его глазами, хотя долго репетировала эту встречу перед зеркалом. Ее взгляд все время соскальзывал, как будто президент был покрыт каким-то водоотталкивающим гелем или густым, плотным воздухом; он словно электризовал пространство вокруг, и Кира не знала, куда себя девать – и от этого ощущения, и от повисшего молчания.

«Что, блин, ты хочешь, чтобы я сказала?! Спасибо?»

Соколов улыбнулся:

– Рад, что вам здесь понравилось. Если честно, я ожидал, что вы останетесь на Ленинском, поставите палатку посреди стройки, а мне придется приезжать и вызволять вас оттуда со спасателями.

– Вы хотели сказать «выдворять»?

Соколов рассмеялся – будто кусочки льда в стакане застучали. Вот ровно так же он смеялся в клубе, когда она рассказывала про «Капсулу».

«Сволочь!» Светски улыбаясь, она была уверена, что он думает о ней то же самое.

Они долго бродили по помещениям. Кира довольно быстро оттаяла, потому что говорила в основном о работе, а о ней она могла рассказывать вдохновенно и часами. Он слушал внимательно, хотя почти не смотрел на спутницу. Немногочисленные охранники топтались на почтительном расстоянии, и вскоре Кира совсем забыла о них. Девушка пыталась не допустить ни минуты молчания, потому что оно тут же заполнялось обжигающей неловкостью их «клубного» эксперимента – и это отчетливо чувствовали оба.

Неожиданно Соколов оказался на редкость неглупым собеседником; он лишь изредка задавал вопросы, но все они были более чем уместны.

«А ты неплохо подготовился», – с удивлением констатировала Кира.

– Так, хорошо, теперь важно вам объяснить, в чем разница между полноценным погружением и пре-сном, потому что это совсем – ну, совсем разные вещи с точки зрения процессов... – Говоря с кем-нибудь, кто хоть немного разбирался в предмете, она начинала нетерпеливо тараторить, как отличница у доски. – Но... сколько у нас есть еще времени? Вы не устали?

– После семи сегодняшних совещаний это как легкая прогулка. И я уже слышал первую часть лекции... чуть раньше. – Пауза длилась доли секунды, но была весьма красноречивой.

– Вряд ли вы ее запомнили. – Кира намекала на его невменяемое состояние в клубе и впервые за весь вечер не отвела глаз. Она с восторгом наблюдала, как он стиснул губы, перебирая оскорбления в голове, но в последний момент сдержался.

– Хорошо, в чем разница между сном и... пре-сном? Так вы его назвали?

– Во время настоящего серфинга – то есть глубокого сна – вы никак не сможете проснуться сами, даже если вас будить. Поэтому обязательно нужна сопровождающая группа, анестезиолог и все такое. Ну, и обязательно проводник. Если заблудитесь в таком сне и вас некому будет вывести, то можно запросто впасть в кому. Перед погружением вам дают наркоз с особым составом для стабилизации склеек между снами. Это нужно потому, что обычно нам снится череда очень маленьких снов, до минуты, а мозг ощущает их как более длинные истории. Короче, спим мы очень рвано, к тому же постоянно переключаемся между фазами, а во время серфинга с проводником ни в коем случае не должно быть заметных стыков – иначе ничего не выйдет, пространство сна слишком хрупкое и постоянно саморазрушается. Поэтому «Капсула» все время достраивает его реальными объектами, чтобы мозг пребывал в иллюзии, будто все вокруг реально, и во сне продолжалась связанная история внутри одной реальности. Время в «Капсуле» идет по-другому, чем здесь, оно ускорено, и вы можете прожить там год, а здесь пройдет всего пара недель. На вас множество датчиков, которые стимулируют нервные окончания, чтобы вы ощущали все, с чем сталкиваетесь во сне. Травмы, удары, поцелуи – что угодно. Можно сказать, вы полноценно живете во сне. Кормят вас смесью питательных веществ через капельницу, но во сне вам кажется, что вы едите и наедаетесь, – у «Капсулы»

и мозга отлично получается это имитировать. И самое главное – во сне вы не помните, кто вы. Никогда. Любые социальные установки слетают, остаются только тело, эмоции и вы настоящий. И все ваши воспоминания, чаще всего в зашифрованном мозгом виде. И мысли, даже самые неприглядные.

– Вау, – сдержанно улыбаясь, ответил Соколов, хотя и понимал, что Кире абсолютно не смешно.

– Что же касается пре-сна, – с нажимом продолжила Кира, – это, скорее, репетиция настоящего серфинга: наркоз слабый, вы можете проснуться сами, но только спустя минут десять-пятнадцать после окончания сеанса. Сам серфинг длится не больше двадцати минут, физические ощущения есть, но не такие острые. В пре-сне встречается гораздо больше парадоксов и несостыковок, потому что мозг пациента самоуправствует и не спит глубоко, он может вмешиваться в течение пре-сна. Сновидения в таком режиме очень хрупкие, короткие и быстро разрушаются от резких и неожиданных событий – например, от падения или внезапной смерти. Умирили когда-нибудь во сне?

– Я не...

– Да ну, вы-то уж наверняка знаете, как это бывает. Вы спите, и вдруг за вами кто-то начинает гнаться с пистолетом, или маньяк с ножом, или дикое животное, или полиция, а вы знаете, что убили и спрятали где-то труп, – и вот вы в лабиринте, стены серые, много ответвлений, непонятно, есть ли выход, – ну, классика же, – а потом *оно* вас догоняет, и вы в тупике, вы поняли, что на предыдущей развилке надо было сворачивать направо, а не налево, и *оно* стреляет в вас, и вы просыпаетесь с бешено бьющимся сердцем. Да?

Соколов судорожно сглотнул – и Кира убедилась, что попала в цель.

– Сотни раз...

– Я так и поняла, судя по вашему телосложению и образу жизни. Ничего, все эти побочки легко купируются, стоит только начать заниматься и готовиться к погружению. Все это можно убрать.

– Я понял, – Соколов с трудом отлепил язык от нёба. – Кажется, уже достаточно теории. Вы можете показать мне «Капсулу»?

Пространство главной лаборатории било в глаза белизной и блеском хрома – как, в общем, и все остальное в центре. Но то ли потому, что так причудливо преломлялся свет, то ли от того, что рядом с «Капсулой» сейчас никого не было и она стояла на небольшом подиуме, казалось, что аппарат белее самого нетронутого снега на вершушках швейцарских гор. Это был звездный свет, собранный в пучок, с неоновой сердцевиной и алмазными брызгами на куполе.

Они замерли в проходе, не подходя близко, и Кира видела, что Соколов тоже словил эту магию.

– Супернова, – рискнула сказать Кира.

– Что?

– Сверхновая звезда. Она похожа на только что родившуюся звезду. Машина для путешествий в прекрасное далёко.

– Она совершенна. Кажется, вы нашли бога, Кира. Бога, который может исправить все что угодно.

– Ну... далеко не все. Самую большую боль «Капсула» не лечит. Например, боль потери. Вы можете провести в «Капсуле» годы, удалить напрочь все воспоминания, но всегда остается что-то, какие-то следы, мельчайшие крупинцы, по которым мозг, как по цепочке, выстраивает то, к чему был когда-то привязан сильнее всего на свете. Так уж устроены мы, люди.

– Обидно, – коротко ответил он. – Но это же можно доработать?

«Твою мать, что ты хочешь доработать? Уничтожить в себе человека? Так ты уже на пути».

Кира еле сдержалась, чтобы не сказать это вслух, и была уверена, что Соколов прочел это на ее лице.

– У вас что, есть какая-то особенная боль? – в лоб спросила она.

– А у вас?

– Нет, со мной все в порядке.

– Со мной тоже.

И снова повисло долгое томительное молчание, и в нем было в тысячу раз больше правды, чем во всех их словах.

– Может, кофе? – от бессилия предложила Кира.

– Угу.

* * *

– Нет, вы поймите, – объясняла она, подтягиваясь и усаживаясь на высокий барный стул у кофе-пойнта. Кофемашина узнала Киру в лицо и загудела, перемалывая зерна для ее стандартного заказа: капучино на кокосовом молоке. – Без проводника в «Капсуле» совсем нельзя, это может иметь необратимые последствия для мозга. Вы как бы заблудитесь сами в себе. – Девушка нервно рассмеялась. – Поверьте, это так себе ощущения. Некоторые по полгода потом в психиатричке лежат. Да, многим повезло – они отделались только хроническими головными болями, но это далеко не все.

Соколов скептически посмотрел на нее, потом на стул, но все-таки взобрался на сиденье напротив.

– Но как при таких условиях пускать кого-то к себе в мозг? Особенно если есть что скрывать.

– Очень просто, – спокойно парировала Кира. – Есть разные степени погружения, есть техники защиты от глубинных внедрений, есть этический и врачебный кодекс, в конце концов. Это медицина, Игорь Александрович. Ваши мысли, как и диагнозы, – это предмет врачебной тайны, которая строго охраняется. Неужели вы думаете, что мы бы существовали до сих пор, если бы на каждом углу рассказывали о том, что нашли в мозгах наших тестируемых? Это абсурд.

Соколов молчал, глядя на нее чуть исподлобья, словно ожидая еще аргументов.

– Да что я вас уговариваю, нет ничего проще, чем продемонстрировать это на себе. Будете моим проводником? Это не сложно. Как компьютерная игра.

– Нет, – чересчур быстро отказался Игорь, внимательно глядя, как она обхватывает стаканчик с кофе, резко шипит сквозь зубы и дует на пальцы. – Вы всегда такая неосторожная?

Кира замерла, ощущая неприятный подтекст. Соколов будто снова отсылал ее к ночи в клубе, где они были так бесстыдно, болезненно близки.

– Я только об этом и думаю, – еле слышно добавил он, словно прочитав ее мысли. – Зачем вы сделали это? Притом что я вам явно не нравлюсь. Вы же узнали меня *до*, я прав?

Кира смущенно отодвинула стакан.

– Вы были таким дерганным и несчастным, и это было так по-человечески, что я...

Она вдруг осеклась, поняв, насколько унижительно звучат ее слова.

Игорь криво ухмыльнулся:

– Да, понимаю, настоящий я мало у кого вызываю энтузиазм. Я был в таком состоянии в тот вечер, потому что у меня мать тяжело болела.

– Вы врете, вы даже не знали, что она в реанимации! – резанула его глазами Кира.

Соколов надолго замолчал.

– Я не буду уточнять, откуда вы все знаете, хотя меня это беспокоит, – наконец заговорил он. – Да, в тот вечер я просто обдолбался кокаином и смешал антидепрессанты и алкоголь.

Чтобы жизнь не казалось такой отвратительной и убанской. И да, я все еще хочу протестировать «Капсулу», но боюсь. Так лучше?

Она удивленно кивнула. Из его слов сочился какой-то склизкий и тянувшийся бесконечно кошмар, который мучил его годами, о котором он упорно молчал, но кошмар лез из Соколова наружу против воли – будто одним только своим присутствием Кира вскрывала, как консервным ножом, что-то глубоко интимное в нем – безо всякой «Капсулы».

– Уже честнее, спасибо.

Больше они не разговаривали, просто дошли до выхода из здания, а потом Соколов сел в машину и, коротко кивнув ей, уехал. Кира осталась стоять у входа, так и держа в руке нетронутый кокосовый капучино. Она смотрела на красные огоньки удаляющихся от нее автомобилей: они плавно покачивались, пока совсем не растворились в темноте.

Кира со вздохом вылила кофе в остывающую траву, на которой лежала роса, и поплелась в мини-отель, чтобы остаться там ночевать. Жизнь ее вовсе не была отвратительной и убанской, но почему-то именно в тот момент она остро почувствовала то же, что и Соколов: бесконечное одиночество, страх и недоверие к миру – к этому странному, жестокому и многолюдному месту, куда они оба попали будто случайно, и бродили теперь, как слепые, по огромной площади, и пытались понять, как им отсюда выбраться.

«Это хотя бы честно», – повторила Кира, словно успокаивая себя, и накрылась одеялом с головой. Она боролась с внезапным приступом паники – вечером для нее это стало обычным делом, потому что опускаться в неконтролируемый сон после тысяч управляемых серфингов было на редкость страшно.

Кира закрыла глаза и часто задыхалась.

«Кира? Ты все еще Кира сейчас? Да... Именно Кира».

Под веками горел огонь – он был осязаемым, жалил, потрескивал, вонял жженой кожей, и она не могла перестать на него смотреть, потому что вторых век, чтобы закрыть их тоже, у нее не было.

Чтобы сохранять связь с реальностью, она торопливо прижала к холодной поверхности простыни обожженную руку, которую Соколов сегодня с таким сочувствием разглядывал.

На Киру давно никто так не смотрел.

Ритм

– Блин! – раздраженно сказал Марк и сунул ей металлическую красную коробочку. – Вот нюня. Ничего с твоим кораблем не случилось!

Полина поспешно вытряхнула на ладонь маленькие разноцветные кусочки пластика: часть корпуса, кабина, поцарапанное крыло с полустертой краской – шаттл «Вояжер-2055» был разобран, но цел. Он достался ей от отца – кажется, это был единственный подарок, который он сделал ей в жизни. Все остальные подарки дарила мама – так уж повелось, потому что отец гордо носил почетное и трагическое звание «безработного, пострадавшего от режима» и у него никогда не бывало денег. Как именно пострадавшего и от какого режима, десятилетняя Полина представляла смутно, но шаттл нежно любила.

Солнце слепило, и Полина сложила ладошку лодочкой, чтобы рассмотреть недовольное лицо двоюродного брата. Он был старше и резче, он жердью возвышался над ней, сцепив руки на груди. Щетка жестких рыжеватых волос, щелочки глаз, легкие капельки пота над верхней губой – неужели она сейчас видит его в последний раз?

Они стояли посреди тротуара на самой большой улице Троицка-Н – улице генерала Лебедева. У домов, которые никто не ремонтировал, были помятые лица. Кое-где поблескивали металлической прохладой припаркованные электромобили и самокаты.

– Будешь с таким характером сидеть тут одна. У тебя ж даже друзей нет! Знаю, не спорь. Рассказывали мне. Завтра в Москву уеду – и что ты будешь делать? Кому ты тут нужна без меня?

Полина нахохлилась. Марк сказал правду: она не умела строить отношения с одногодками – только прибивалась, как собачка, к стаям детей во дворе, но ни с кем не дружила «по-настоящему». Что такое «по-настоящему», Полина пыталась выяснить у взрослых, но, натываясь на загадочные ответы – «лучшие друзья – это твоя семья» и «настоящей дружбы не бывает», – вскоре оставила попытки.

Марк воровато оглянулся по сторонам. Отец Полины поручил ее двоюродному брату и скрылся в дверях под сияющей, как огни казино, вывеской «Хлебников и партнеры. Нейроадвокаты» минут десять назад.

– Так, Поль. Мне правда надо идти. Еще с пацанами увидеться перед отъездом. Ты это... Давай тут сама. Дядю Гришу – тьфу ты, отца своего – дождись. Никуда не уходи, поняла? Стой тут и жди его.

«Да ладно, не маленькая...» Полина нехотя кивнула, закатив глаза.

Он поспешно обнял ее – неловко и сухо, как обнимают подростки.

«Не уходи!» Полине хотелось кричать и плакать, но она только часто заморгала и осталась на месте. Марк с родителями завтра должен был переехать в Москву, и, скорее всего, Полине больше никогда не придется стоять с ним вот так, на улице Лебедева, и ссориться из-за конструктора.

Пару раз оглянувшись на нее, Марк припустил на электросамокате вниз, с пологой спины улицы, – туда, где начинались промзоны и рабочие кварталы, стройки и полуразобранные, потускневшие от времени пластиковые домики переселенцев. Пять лет назад они строили тут завод.

«Завод гибких дисплеев» торчал инородным, изогнутым, вспухшим телом в низине, возле занесенной илом маленькой реки, неподалеку от торговых рядов, где молчаливо ветшали роботы-автоматы. Раньше они продавали всякие мелочи – посверкивали круглыми боками, раздавали газировку и орешки из больших прозрачных животов-холодильников, – но потом их почему-то забросили. Наверное, как говорила мама, «потому что все стали экономить». Они

стояли, погасив огни, и кренились под силой тяготения в разные стороны – как будто спали. Некоторые из них почти вросли в землю.

Завод, в отличие от роботов, был новеньким, надменным и совершенно чужим в обстановке стареющей глубинки, которая его окружала. В Троицке-Н его упоминали почтительно, с придыханием: «Завод». Только в этом месте в городе, кроме электрозаправок, больниц и школ, еще и можно было как-то заработать. Полина помнила, как мама рассказывала, что пару лет назад буквально по очереди закрылись мебельная фабрика, швейная фабрика и автозавод, производящий старые бензиновые машины.

«Это пиздец! – матерился отец Полины, бывший работник того самого автозавода, в день, когда тот закрылся. Григорий метался по малогабаритной евродвушке туда-сюда, как огромный разъяренный лось. – Людей выживают, остались одни долбаные тридэ-принтеры – конечно, им же не нужно платить зарплату! Лапин только этого и добивается, приковал народ к батарее и сидит, жирует!»

Работающие люди в Троицке-Н были редкостью. Те, кто мог хоть немного программировать, целыми семьями уезжали в Москву и города-миллионники, чтобы устроиться в корпорации. А те, кто рискнул остаться, сидели на ББД.

Это загадочное словечко без конца мусолил отец перед каждым пятым числом месяца. Он страшно злился, когда «бэбэдэ» задерживали, – такое бывало несколько раз, но потом, на следующий день, деньги приходили. Мама в такие моменты почти всегда сидела в углу и строчила на старой машинке. Она вечно что-то шила – сама, руками. Это было удивительно и странно и как будто делало Полину тоже чуточку особенной. Отец орал, мать строчила, а Полина вытягивала шею и смотрела, скрутившись в уголке дивана, на ровно лежащиеся линии швов, на плавные изгибы тканей в набивной цветочек, в ромбы, в цветные кляксы; на глубоко-синие тяжелые бархатные складки и мягкие пыльно-розовые воланы шелка.

Людмилу тоже уволили, только со швейной фабрики, – но она, в отличие от отца, не унывала. Никому ничего не говоря, она взяла кредит на тридцать лет и открыла микроскопическое ателье в подвале их двадцатипятиэтажного дома. Она была из тех, кто всегда берет работу домой, хотя в этом не имелось нужды или какой-то острой необходимости – просто свое дело Людмила очень любила. Иногда казалось, что даже больше, чем дочь.

Полина стояла, как маленький солдатик, глядя на плотно закрытую дверь к «Хлебникову и нейроадвокатам». Ее пушистые, цвета подтаявшего мороженого волосы раздувало ленивым ветром.

Пекло нещадно. Все было медленно и вязко и совсем не похоже на «десять минут», которые обещал отец перед уходом. Он сказал, что собирается «заниматься наследством».

«Как же это долго – заниматься наследством», – Полина легонько пнула опавший лист на тротуаре. Он был еще сочным, плотным (прохладный ветер конца лета только-только начал обдувать прохожих по утрам), но полным желтоватых прожилок, как зелено-золотистый мрамор.

Откуда-то издали, из-за утыканного крышами горизонта доносился едва уловимый, как тихая мелодия, перестук поездов. Если бы в городе не было так по-летнему пустынно, Полина никогда бы не услышала их звук с такого расстояния. Но они стучали, и тревожили ее маленькое сердце, и несли внутри обтекаемых серебристых вагонов каких-то невиданных и очень смелых людей – прочь из Троицка-Н, навстречу туманному будущему.

Полина сама не заметила, как медленно пошла на звук, стараясь попадать шагами в ритм призрачных колес, все дальше и дальше от отца и нейроадвокатов, хотя ей казалось, что контора и улица генерала Лебедева по-прежнему всего в паре шагов.

Ритм влек ее за собой, и в тот момент для нее не существовало ничего важнее. Она должна была следовать ему.

Все в ее жизни подчинялось этому странному ритму. Это началось с младенчества, когда она, лежа трехдневным комочком на кухонном столе, завернутая в голубое одеяло, впервые услышала музыку – и улыбнулась. Мать, не признающая УЗИ и вообще технологии, ждала мальчика – но родилась она.

С тех пор ритм следовал за ней, как привязчивый и ласковый бездомный кот. Полина слышала его во время прогулок вдоль изрезанного стройками старого парка; он проникал за шиворот и под коленки на уроках в детском саду, щекотал живот – и от этого хотелось петь и смеяться. Воспитательница играла что-то совсем простое, дети вокруг скакали козой и чертом, а чумахая, вечно в растянутых трениках и с тощими косичками светловолосая девочка вся превращалась в слух.

Потом началась школа – и она слышала этот ритм в постукивании старого двигателя машины, когда отец возил ее на учебу – как он говорил, «временно». Тогда Григорий еще не понимал до конца, что жена уже не встанет, что она больше не будет заниматься дочерью и решать ее детские проблемы. Какой-то сочувствующий врач однажды отвел Григория в стору и объяснил ему, привыкшему к домашним котлетам и чистым носкам, что все, чем он теперь может помочь жене, это хороший хоспис, паллиативное лечение и покой.

Полина плохо помнила тот год, кажется, это был две тысячи пятьдесят первый, но все еще слышала ритм своих ног, сбегаящих по ступеням закрытого ателье «У Людмилы», – оно располагалось в полуподвальчике. Полина долго сидела там под дверями, пока мать была в больнице; бродила вокруг дома, как маленький призрак; утыкалась носом в единственное маленькое окошко ателье у самой земли и смотрела на красно-белое, в традиционном японском стиле, тяжелое платье. Оно свисало белым недошитым крылом-рукавом с серого безголового манекена.

– Мико, – сказала однажды мама, когда только начинала шить это платье, и потрепала Полину по макушке. Людмила с любовью осматривала объемную алую юбку, собранную широким поясом на талии манекена, и белую рубашку с мелкой бисерной вышивкой.

– Когда-то, Поля, давным-давно в Японии такие платья носили мико – храмовые девочки, шаманки. Они верили, что у всего есть душа – у леса, у камней, у земли. Они умели разговаривать с богами, императорами и духами природы.

Мама сунула в подушечку швейную булавку с розовым шариком на конце и присела, обхватив Полину за плечи. Взяла ее руку в свою и приложила к груди.

– Когда меня не станет, помни: я уйду не навсегда. Мы здесь для того, чтобы познать всю красоту, всю тонкость и разнообразие мира, – и у нас на это очень мало времени. В каждом листке, в каждом дереве, в каждой ниточке ткани теплится жизнь, в каждом звуке, даже самом странном, живет музыка. У всего есть причина, любовь рождает доброту, нелюбовь – холодность и отчужденность. К чему бы ты ни прикоснулась, помни об этом. Ты – мико. Познай этот мир до конца.

А потом было утро в день похорон. В одних трусах Полина долго стояла одна напротив зеркала в спальне, сжав косточки на замерзших локтях пальцами. В доме кто-то ходил, хлопали двери. Он сразу сделался каким-то ветреным и пустым, хотя на самом деле вокруг было множество людей, они бормотали, трогали мамины недошитые платья в большой комнате, но ритм их шагов сливался в равномерный жужжащий гул.

– Полина! – громкий окрик отца заставил ее вздрогнуть. Он уже тогда «набирался с утра», как говорила мама. Полине тоже нужно было собраться. На похороны. Она медленно, как под гипнозом, осмотрела небогатый набор вещей.

«Я не могу. Мама. Я не могу».

Взгляд скользнул к приоткрытому родительскому шкафу. Оттуда с рукава маминой ярко-голубой шелковой рубашки смотрела любопытная мордочка дракона. Ткань мерцала. Она успокаивала и наверняка пахла чем-то пряным и теплым, чем всегда пахла мама. Мама.

Отец распахнул дверь, готовый наорать на Полину за нерасторопность, – и изменился в лице.

Голубая рубашка с красно-золотыми драконами и иероглифами болталась на Полине как на вешалке. На Григория смотрело разукрашенное белым, розовым, черным и красным лицо гейши-ребенка – со светлыми косичками, тонкими алыми губами и малиновыми кукольными скулами. Тонкие руки безвольно лежали по швам. Полина исчезла. Осталось только это существо, способное выдержать взгляд в лицо смерти. Рядом валялась мамина косметичка.

– Это что еще такое! – взревел Григорий. Он до боли сжал ее плечи пьяными злыми пальцами. – Вырядилась как шлюха... – сквозь зубы прошипел он и, размахнувшись, ударил дочь по лицу.

Полина качнулась, но осталась стоять на месте, только по щекам побежали мутные дорожки.

– Никуда не едешь! – рявкнул отец и захлопнул дверь – и мир Полины провалился куда-то вниз, в пропасть, где не было ни капли света, не было шорохов маминых тканей, не было звуков вокзальных гудков и ритма – того самого, который вел ее по жизни, как чей-то голос, все это время. Он перестал быть слышен именно в тот день – и казалось, что это навсегда.

Но сегодня, на улице генерала Лебедева, он наконец вернулся. И она пошла за ним, и было уже не важно, что вокруг существует какой-то мир – он весь переместился внутрь Полины, в ее голову и грудь, в биение сердца, которое звучало в такт перестуку невидимых колес.

Полина опомнилась только ближе к ночи, когда ее нашел какой-то вокзальный полицейский: она слонялась по перрону, делая вид, что кого-то ждет.

– Я не хочу домой, – неожиданно для самой себя ответила девочка на вопрос, что она тут делает без родителей.

Полицейский взял ее за руку, а потом они долго ехали в электромобиле – а после она, сжавшись, сидела на диване напротив отца и как будто сквозь толстое стекло слушала его крики:

– Чем ты думала! Дура набитая! Идиотка!

Полина нервно крутила в руках красную коробочку с шаттлом.

– Брось эту херню!

Отец вырвал коробочку и со злостью метнул в стену – и Полина увидела сквозь пелену слез, как «Вояжер-2055» медленно и торжественно разлетается на мелкие красно-белые осколки.

Парадокс планктона

Старенькие часы под подушкой Полины настойчиво жужжали вибросигналом и ковыряли в ухе пластиковым звуком будильника. Мелодия называлась «Волна». К ее услугам из пресетов часов, кроме «Волны», были только «Безмятежность», «Маяк», «Мерцание» и «Обрыв». Они были еще хуже, поэтому Полина не меняла рингтон с момента, как получила эти часы от мамы на десятый день рождения.

Позавчера Полине исполнилось шестнадцать.

Она сонно сунула руку в недра подподушечного мира – белого, покрытого серыми крапинками, и тепло. Выудила часы: шесть тридцать утра, одинокая уведомлялка на экране про поступившее пособие – со смерти матери оно, совсем крошечное, исправно приходило каждый пятый день месяца.

Полина прислушалась. Отец за стенкой раскатисто похрапывал. Судя по этому звуку, у нее еще оставалось минут двадцать. Храп был таким оглушительным, что как будто приподнимал пластиковые 3D-постеры с животными и растениями на стенах комнаты. Они были без рамок, выцветшие от постоянного солнца – комната Полины располагалась на юго-восточной стороне.

«*Сervus elaphus*, – прочитала Полина на одном из постеров и усмехнулась. – Олень обыкновенный. Парнокопытное млекопитающее из семейства оленевых».

Олень внимательно смотрел на нее. Еще чуть-чуть – и начнет от нетерпения перебирать рельефными сильными ногами.

«Благородный олень обитает в большей части Европы, на Кавказе, в Малой Азии, Иране, в некоторых частях Западной и Центральной Азии».

Она опустила ноги на пол, который напоминал шкуру этого самого оленя – коричневая краска с ламинатной пленки местами облупилась, и поверхность стала шершавой и как будто немного всклокоченной.

«Наверное, этот олень просто слишком долго убежал», – с грустью подумала Полина, надела часы и привычным жестом вытащила из них проекцию продуктовой полки. Поспешно стала набрасывать в корзину зелень, мясо, макароны и прочую снедь.

«*Заказ создан*», – пискнули часы.

Полина упала на подушку и выдохнула.

Отец пропивал почти все деньги, что попадали к ним на счета, поэтому встать раньше него в начале месяца, купить и заморозить продуктов было не просто веселым квестом, а залогом их выживания. Она сжалась в клубок под одеялом, тоскливо ожидая возмездия за свое самоуправство, и старалась впитать в себя последние минуты тишины до того, как отец проснется.

Она знала: вот сейчас он появится на пороге – хмурый, с сединой на висках и в трехдневной щетине – и рявкнет «Поля-я-я!»; от него будет нести перегаром, а сам он будет нести какую-то чушь: про то, какие опять плохие новости в Сети, про то, как мы все просрали. «А ты валяешься, блядь, копытами голыми сверкаешь, шалава! Что, школу отменили?! Пошла на кухню, резче! Там засрано со вчера!»

Между одеялом и поверхностью матраса оставалась дырочка. Полина высунула в нее нос и снова посмотрела на оленя.

Он стоял, поблескивая, на фоне выпуклого, тисненого темно-зеленого массива листвы и предьявлял миру свое совершенное, рыже-золотистое тело. Пластиковый олень был куда более радостным, красивым и настоящим, чем вся ее жизнь здесь после смерти матери.

Полина скользнула глазами на шкаф в углу, ощупала мысленно полки: вон там, справа, на самом верху, лежат мамины недошитые платья – в крафтовой синей коробке, пыльной и

никому не нужной, кроме нее. Она иногда приоткрывала ее, пока отец не видел, брала пахнущий маминым парфюмом – Kenzo, «Большая волна» – шелк или ситец и щупала его, крутила, садилась на шаткий стул, непослушными пальцами пыталась вспомнить обметочный шов. Она чувствовала, что это будет очень сложно.

– Полина!

Крик отца сотряс стены, и Полина поспешно схватила с пола у кровати огромные черные наушники, втащила их под одеяло, натянула на голову и включила нейророк.

Она, конечно, не была *Cervus elaphus* – но тоже научилась отлично убежать.

* * *

– Давай, Зоркий! Ну, чё ты тупишь!

Мячик для пинг-понга с треском врезался в зеленый стол, обернутый дешевой проекцией.

Двор школы номер пять города Троицк-N, весь в щетках желтоватой полусохшей травы, казался выцветшим по сравнению с неоновой яркостью стола для AR-пинг-понга. Стол привезли в начале учебного года; он был новенький, один на всю школу – и за него вечно шла борьба.

Двор постепенно разваливался, турники проседали, белые бордюры дорожек тускнели, но сама школа пока держалась. Ее построили давным-давно, лет семьдесят назад, из добротного красного кирпича. Сейчас она была похожа на строгую старушку-учительницу – с высокими старомодными узкими окнами, портретами писателей и ученых на затертых стенах, низенькая, двухэтажная, но все еще крепкая.

– Не надо. Меня. Торопить. Илья.

Мальчик в квадратных очках методично отбивал атаки в свой адрес. Обе стороны его головы были выбриты, одна окрашена в розовый, другая – в голубой. Фамилия мальчика, Зоркий, звучала почти издевательски, потому что его зрение было безнадежно посажено с раннего детства. Родители Зоркого когда-то отказались делать ему операцию, потому что ее должен был сделать робот, по квоте, бесплатно. Зоркие слыли махровыми консерваторами, поэтому Леша носил очки с толстыми стеклами, пытаясь компенсировать свой изъян вечно меняющимся цветом волос.

Илья в ответ только ухмыльнулся: он нахально поигрывал ракеткой в промежутках между ударами и ловко перебрасывал ее между левой и правой ладонью.

– Димитрова! – Илья размахнулся особенно сильно.

Девочка, которая в этот момент проходила мимо, застыла от неожиданности: мячик с подачи Ильи врезался в край стола рядом с ней, выбив сноп виртуальных искр и оранжевой светящейся лавы прямо ей в лицо, – ребята играли на уровне «Жерло вулкана».

– Да, Илья, – улыбнулась она. Ее руки нервно сжали подол короткого бордового бархатного платья с белым воротничком-стойкой.

– Дашь биологию списать?

Агата Димитрова на мгновение задумалась. Каштановые кудряшки, едва достающие до плеч, опустились на них и снова приподнялись от тяжелого вздоха. Биологию она сама обычно списывала у Полины Максимовой, но Илье Козорезову, самому популярному парню в школе, это было знать совсем не обязательно.

– Дам, – улыбнулась она еще раз. Слегка порозовевшие щеки сказали Илье больше, чем он хотел знать.

– И это, подругу свою позови. Поговорить надо.

– Чего тебе, Козорезов? – деловито осведомилась Полина, появившись как из-под земли рядом с Зорким. Он опустил ракетку.

Черные наушники лежали на плечах Полины и прижимали спутанные от ветра белые волосы, из мембран неслась жесткая звуковая вакханалия.

– Чё, опять отец прибил? – ухмыльнулся парень. – Ты что-то не в настроении.

– Не твое дело! – огрызнулась она.

Полина пересеклась взглядом с Зорким – судя по его лицу, дело было серьезным. Она давно научилась читать планы Козорезова по лицу Зоркого.

– На. – Илья сунул ей маленькую голубую бумажку, сложенную вчетверо. – Только не ори. Это шанс для тебя. Цени.

Полине почему-то стало очень смешно. Она развернула бумажку.

– «Новые технократы. Молодежное движение за свободу образования и выбора»? Вы серьезно? Кто название придумал? Ты, Козорезов? Это же какой-то испанский стыд. Реинкарнация того, что у тебя не получилось в прошлом году?

Губы Зоркого дрогнули от тщательно спрятанной улыбки.

– Полина! – зашипела на нее Агата и дернула за рукав. – Ты с ума сошла? А если кто-то услышит? Это точно педсовет! Ребят, вы же не всерьез? Вам мало прошлого года? – Ее глаза обеспокоенно шарили по лицам одноклассников.

– Да не паникуй ты, Димитрова, у меня терь, это... – Илья перешел на шепот. – Человек из Москвы есть, координатор.

Его глаза сверкали так, словно он был готов строить укрепления и баррикады прямо на школьном дворе.

– Блин, Илья, вот объясни... – Полина сделала музыку потише и принципиально не перешла на шепот. – Что мешает просто хорошо учиться, поступить в универ и переехать в Москву? Просто потому, что ты умный и талантливый.

– Вот ты дура, Максимова! Ты что, долбаная консерваторша? – Козорезов зло сплюнул себе под ноги. – Просто так, что ли, свою биологию ботаешь? Знаешь, что такое естественный отбор? Никакая Москва тебе не светит. И никому из нас. Они... – Парень широким жестом обвел стоящую перед ним школу. – Ты хочешь сказать, что они нас тут чему-то учат? Разве что быть послушными. Подчиняться. Знать мало – и только то, что положено. Шаг вправо, шаг влево – педсовет, исключение и – привет, микрозаймы, ББД, ипотека и пенсия, блин. И из этой ямы ты потом никогда не выберешься. Нас закрыли в гетто и скоро просто сожрут, без остатка. Пора напомнить им, что мы существуем. И я тебе предлагаю перестать быть пассивной и немно-о-ожечко подумать своей головой.

– Я и думаю – в отличие от тебя, Козорезов. Ты реально веришь, что у тебя получится устроить революцию? Ну так я тебя расстрою. До Москвы революции не докатываются.

Полина сжала наушники, собираясь уходить, но Илья схватил ее за руку:

– Вот именно! Ты хоть поняла, что сказала? Нам. Ничего. Здесь. Не светит. Никогда. Ну вот что ты будешь делать, когда закончишь школу? Твоих знаний хватит максимум на то, чтобы стать тут училкой. Универ в Москве стоит бешеных денег – и ты никогда туда не поступишь. Даже ты. Хочешь на Завод? Ну ладно, допустим. Но на этом все.

Илья и Полина смотрели друг на друга исподлобья, волком. Вокруг кричали и носились младшие ученики, хлопали друг друга по ногам синими рюкзаками; шумели поредевшие золотые клены вдоль решетчатого забора и потрескавшейся от времени асфальтовой площадки перед школой; в руках Козорезова еле слышно шипела ракетка. Проекция на ней покрылась мелкими полосками еще неделю назад, когда кто-то из учеников с размаху прыгнул на нее двумя ногами.

– Я на алгебру, – бросила Полина, наконец стряхнув руку Козорезова. Она еще раз зачем-то посмотрела на Зоркого – чуть дольше, чем того требовала ситуация, – и быстро пошла в сторону школы. Агата, обернувшись пару раз, заторопилась следом.

Илья и Зоркий переглянулись.

– Ну и на хрена она нам нужна? – Козорезов устало бросил мигающую ракетку на стол.
– Потерпи, – тихо ответил Зоркий, глядя, как ракетка приятеля подпрыгивает, будто живая, на неоновом-зеленой поверхности стола. – Она сечет в биотехе. Говорю тебе, она пригодится. Это наш входной билет на бал.

* * *

– Таким образом, – биологичка Ирина Львовна резко и хлестко двигала красную точку лазерной указки по доске, – в онтогенезе выделяют два периода: эмбриональный – от образования зиготы до выхода из яйцевых оболочек и постэмбриональный – с момента рождения и до смерти. – Последним словом она буквально припечатала учеников. – Вопросы?

В классе повис хрустящий шепоток, который обычно говорил о том, что Карпова не дожидается своего «леса рук» после теоретической части. Полине не хотелось снова повторять очевидные для них обеих вещи: Ирина Львовна и так не сомневалась в выдающихся знаниях Максимовой, поэтому девочка предпочла не дергаться.

Во второй части урока Карпова обычно разбирала их домашки: в прошлый раз она задала эссе на тему биологических парадоксов – например, утконосов, бактерий, которые живут в вечной мерзлоте, или чего-то более экзотического.

Судя по унылым лицам, эссе пережили не все: оценки светились в электронных дневниках, и Агата, сидящая рядом с Полиной, недовольно шепнула:

– Тройку влепила, сволочь!

Полина свою оценку даже не проверила – она была уверена, что это это девять или десять, как всегда.

– Что ж, если вопросов нет, разберем ваши многострадальные эссе. Начнем с самых слабых – вопиюще слабых. Максимова!

Полина резко дернулась от этого грубого окрика.

Ирина Львовна даже привстала от возмущения и смотрела на нее из-за своего стола:

– Вот ответ мне, Максимова, что еще за парадокс планктона? Ты откуда это выкопала, из каких древних залежей Сети?

Девочка медленно поднялась, отодвинув от себя лежащие на парте наушники. Ученики удивленно молчали: Максимова была любимицей Карповой, и тон биологички был похож на взрыв гранаты среди бела дня.

– Это теория Хатчинсона, датированная тысяча девятьсот шестьдесят первым годом, – стараясь не вжимать плечи в голову, ответила Полина.

Карпова бегло глянула на старую камеру, которая висела нелепым темным наростом в углу, как ласточкино гнездо.

– Понятно. А с отечественными биологами тебе, значит, не по пути? Ясно, ясно. Что ж, давай посмотрим. Парадокс планктона, – демонстративно зачитала Карпова с проекции, которая висела над столом. – Ситуация в водной экосистеме, при которой ограниченный круг ресурсов поддерживает неожиданно широкий спектр видов планктона, нарушая принцип конкурентного исключения. Жизнь фитопланктона разнообразна на всех уровнях, несмотря на ограниченный круг ресурсов, за которые ведется конкуренция.

Пара человек в классе засмеялись – они вообще не понимали, о чем идет речь, но слышать, как Карпова распекает свою постоянную фаворитку, было неожиданно и приятно.

– То есть ты утверждаешь, что существуют виды планктона, которые нарушают принцип Гаузе? Он гласит, что, когда два вида конкурируют за тот же ресурс, всегда будет сохраняться численность только одного вида, а другой окажется на грани вымирания. Другими словами, ты отрицаешь естественный отбор?

Полина молчала, глядя ей в глаза.

– Я его вовсе не отрицаю, – тихо возразила она, все еще надеясь, что у Ирины сегодня просто плохое настроение. – Но некоторые исследователи полагают, что среда обитания планктона никогда не достигает равновесия из-за постоянно меняющихся условий. То есть все настолько нестабильно, что природа никогда не будет благоволить только одному из видов планктона. Если еще проще, мир – это просто хаос, но очень изобильный хаос. И в нем ресурсов и места может хватить каждому. Именно в этом и скрыт парадокс, который идет вразрез... с естественным отбором.

– Два, Максимова.

Максимова не села обратно. Она молча взяла наушники, подобрала с пола рюкзак и на глазах у всего класса и красной от негодования Карповой вышла за дверь.

Черный человек

Дождь лил не переставая вторые сутки. Город словно разбухал от потоков мутной воды. Она с грохотом обрушивалась с козырьков подъездов; клопоча, стекала по лестницам магазинов; заливала стоки и пузырилась в уличной плитке, колотилась в водосточных трубах, метко брызгала прохожим прямо под коленки, в самые сердцевины светлых летних джинсов, – и наполняла улицы холодной, совсем осенней сыростью.

Педсовета, конечно, не было – слишком пустяковая история, за уход с урока не исключают, – но отца Полины биологичка в школу все же вызвала. Он ожидаемо не пришел – однако, закончив говорить с Ириной Львовной по видеосвязи, вышел из комнаты и молча замахнулся на Полину со спины. Она сидела на полу в ванной, разбирая бесформенную кучу жесткого, пересушенного белья. Полина чудом успела увернуться от оплеухи, но отца это только раззадорило. Он ударил ее – методично и спокойно, никого не опасаясь, – еще несколько раз, толкнул на пол и бросил белье сверху.

Все их разборки давно проходили без слов – и от этого было только хуже. Она больше не плакала – лишь уворачивалась еще быстрее; еще искуснее избегала встречи с ним на общих квадратных метрах; еще точнее предугадывала его поведение с похмелья – пока это не стало частью ее характера. Полина пропиталась страхом, как младенец запахом молока, и наконец перестала придавать ему какое-либо значение. Остались только рефлексы – когда она украдкой ловила тяжелый взгляд отца в зеркале; когда осторожно выскальзывала из ванной, закутавшись в два полотенца, и поспешно захлопывала дверь в свою комнату; когда он запирали ее дома одну на много часов за то, что она выходила на улицу в недостаточно скромной, по его мнению, одежде.

К шестнадцати Полина научилась жить с этим, и довольно сносно. Она подсовывала отцу аспирин и соленую воду с утра; ей беспрекословно открывали дверь соседские бабушки, которые почти всегда знали, где на этот раз ошивается Григорий со своими собутыльниками; она могла по одному неуловимому движению его глаз догадаться, что грянет буря, – и придумать правдоподобный предлог уйти из дома на несколько часов и не возвращаться до самой ночи.

Иногда ей казалось, что этим даже можно управлять, – особенно когда она угадывала намерения отца и он милостиво оставлял ее в покое. Полина приносила ему, похмельному, еду, иногда сама покупала алкоголь на сетевых распродажах и ставила в холодильник, платила за интернет, драила полы в его комнате до блеска, подкладывала ему свежую одежду к дивану, где он проводил львиную долю времени, – и в такие моменты он благосклонно улыбался дочери, но ей по-прежнему было страшно. И поэтому каждый раз, возвращаясь домой, она застывала в нерешительности перед дверью подъезда, как будто силилась пересечь границу какого-то потустороннего мира, где ее не ждало ничего хорошего.

Вот и сейчас она стояла на месте, изучая скрученные от времени пластиковые объявления. Мелкие буквы, штрихкоды с номерами телефонов – все сливалось в какое-то блеклое, черно-белое пюре.

«Продам электромо...»

«Уважа... жильцы, 14.10 в 18:00 состоится...»

«Профилактические работы по ремонту 9g-сети...»

Полина натянула наушники и капюшон ярко-желтого дождевика, развернулась и побрела вдоль дома. Он был

длинным и загибался, как исполинская змея, напротив возвышалась такая же серая «рептилия» – и обе они почти соприкасались головами и хвостами, делая двор похожим на разбитый, никуда не плывущий корабль.

Есть хотелось нестерпимо, до рези в животе – но это никогда не бывало веской причиной вернуться.

«Еда – это просто жиры, белки и углеводы. Это даже не вкусно. Будешь много есть – растолстеешь».

Она слизнула каплю дождя с верхней губы – на вкус та была немного металлической – и пошла еще быстрее. Странная мантра помогала, особенно когда она смотрела вниз, на свои бедра, и тихо их ненавидела. Те с каждым днем становились все более округлыми на контрасте с костлявыми плечами и тонюсенькими руками. Полина взрослела и неумолимо превращалась из угловатой девочки с вечно растрепанными косичками в девушку-подростка. Она часто и подолгу рассматривала себя в зеркале, с испугом отмечая, что плоская грудь медленно, но растет; что талия на фоне бедер и груди начинает выглядеть еще тоньше. Отец тыкал ее под ребра всегда резко и без предупреждения – каждый раз, когда она имела неосторожность надеть одну из футболок с декоративными разрезами и названиями подростковых нейророк-групп. Тогда она возвращалась к себе в комнату и, сгорая от стыда, заворачивалась в одеяло. Она снова и снова разглядывала золотистого оленя на стене. Он стоял, спокойный и гордый, надежно упираясь ногами в землю, которая поросла пластиковой травой, и смотрел на нее темными черешнями глаз.

«Беги!» – говорил олень, и она бежала – на улицу, прочь, куда подальше.

Снаружи было мокро и зябко; редкие прохожие все как один стремились к теплу и свету далеких окон, которые посверкивали веселым желтым янтарем сквозь поредевший дождь. Писать кому-то и напрашиваться в гости было поздно, и поэтому Полина просто села на корточки в сумерках под окнами первых этажей и прижалась спиной к стене. Она поморщилась: на лопатках все еще ныли синяки. Когда отец был трезвым, он бил по-особенному – скрученными вещами под определенным углом, чтобы не оставалось следов.

Полина смотрела на капли, на качающиеся ветви деревьев, слышала всплески на лужах, когда по ним проезжали машины: даже не видя их, она научилась различать тихий стрекот, который издавали электромоторы. Время тянулось невыносимо медленно. Черные, вывернутые ветром наизнанку листья кустов в палисаднике шумели и перешептывались – как будто там кто-то медленно и печально ходил. Полина тревожно вглядывалась в темноту, ожидая, что этот кто-то, наконец, выйдет, проявится, – но там опять никого не было.

Ей вдруг стало не по себе. Она вскочила – затекшие икры резанула боль – и выбежала из квадрата темноты в безопасное перекрестье света фонарей.

Там, в центре двора, в круге неровного холодного света высилась давно обесточенная и глядящая пустыми провалами технических окон водонапорная башня. Ее много раз пытались переделать – то в магазин, то в бар, но ничего не выходило – башня была словно заколдована. Жители в конце концов привыкли, что она необитаема, и энтузиасты в какой-то момент оставили попытки вписать башню в окружающий мир. Скрываясь от отца на улице, Полина часто представляла, что в башне кто-то живет, – и тогда любой скрип и шорох оттуда обретал новый смысл, делая их двор особенным, не похожим на другие – и очень, очень интересным. Она могла часами смотреть на башню, представляя, как внутри по невидимой винтовой лестнице спускаются и поднимаются призраки. Это были ее призраки, она придумала их – и они, в отличие от любой другой темноты, не были злыми, Полина это откуда-то знала.

Она подняла голову и посмотрела на их с отцом окно – они не горели. С такого расстояния было не разобрать, сидит ли Григорий в очках, просматривая платную рекламу, – он иногда зарабатывал этим на очередную бутылку, – или просто спит.

Полина нехотя глянула на часы. «22:50». Пора возвращаться домой. Завтра ей все-таки придется пойти в школу. «Болезнь» так долго без справки нельзя.

«Черный человек, Черный человек, забери меня», – как заклинание, быстро произнесла она про себя – и тут же испугалась своих мыслей.

Черный человек – это был их с мамой странный секрет, который она хранила годами и не забыла, несмотря на возраст.

Когда-то, когда мама была еще жива, они остались без денег в конце месяца. Отец снова пил, а у мамы не забрали свадебное платье, которое она сшила, – потому что жених и невеста поссорились перед самым торжеством и разошлись.

Платье так и висело на вешалке в прихожей. Полина украдкой несколько раз расстегивала молнию на чехле и гладила белые волны, чувствуя под руками мелко поблескивающие бусинки и бисер – и какую-то волшебную, несбывшуюся, далекую жизнь, которая становилась плоской и неживой, как кружево в темном мешке.

В тот вечер они сидели с мамой на кухне и пили пустой зеленый чай с последней химически-розовой зефиркой.

– Мико, выше нос! Хочешь, погадаем, как в детстве? – мамин голос в такие моменты становился тонким, почти девчоночьим, острым и озорным, а пальцы начинали снова в поисках каких-то мелких предметов, призванных развлечь Полину. Мама зябко куталась в толстый верблюжий свитер – она уже тогда страшно похудела и все время мерзла, даже если за окном было плюс двадцать пять.

Этому гаданию ее научила бабушка. По рассказам Людмилы, она была наполовину японкой, эмигрировавшей сюда еще в тридцатые, когда тут строили автозавод – тот самый, на котором потом стал работать отец Полины. В наследство от бабушки-японки Людмиле достались чуть приподнятые уголки глаз, маленький нос и темные брови – они же, только менее выраженные, перешли и к Полине.

Ей не нужно было ничего объяснять: Полина притащила из комнаты лист бумаги, пару ручек и маленький зеленый мешочек. Лист она разорвала на мелкие квадратики, дала половину маме, вторую себе, и они начали рисовать.

Рыба, солнце, молот и наковальня, дерево с большими корнями – мамини руки мелькали над бумагой быстро, умело, потому что она часто делала зарисовки будущих платьев.

Десятилетняя Полина сосредоточенно пыхтела и выводила что-то свое – *ракушка, колесо, флаг на мачте корабля, цветок, пригнувшийся от ветра*, – это было почти состязание, кто больше символов придумает.

Наконец, когда горка бумажек перед ними стала достаточно большой, мама сгребла их все в мешочек и перемешала.

– Так, – деловито сказала она, улыбаясь во весь рот, – хочу, чтобы завтра у нас был килограмм зефира. Повезет ли мне в этом деле? – Людмила покопалась в мешочке со всей тщательностью – и вытащила на свет робота-пастуха, пасущего кривоватую, квадратную овцу. Рисунок Полины.

Мама засмеялась:

– Кажется, мироздание намекает, что нам пора завести собственную ферму и делать органический зефир из овечьего молока.

Полина тоже несмело улыбнулась.

– Теперь ты спрашивай! – Мама протянула ей мешочек, и Полина, взяв его, надолго задумалась.

«Хочу, чтобы ты выздоровела, повезет ли мне в этом деле?» – чуть было не спросила она, но осеклась. Полина знала, что маме от этого станет еще больше.

Вдруг она вспомнила про платье, висящее в прихожей.

– Хочу выйти замуж, – сказала девочка, словив удивленный взгляд матери. – Повезет ли мне в этом деле?

Она долго копалась в мешочке – и наконец достала бумажку.

Та была испещрена темными грубыми линиями, которые виднелись даже с обратной стороны. Она перевернула бумажку. Это был ее рисунок. Она сделала его второпях, напоследок, поддавшись порыву.

– Это... черный человек? – озадаченно спросила мама, склонив голову.

У фигурки все было черным – ноги, руки, невидимое лицо в частых нервных линиях. Просто набросок, но весьма пугающий.

– Плохой знак? – испуганно подняла глаза Полина и посмотрела маме в лицо.

– Нет, что ты! – Людмила снова заулыбалась. – Черный человек может означать все что угодно. Смотри.

Она взяла из рук Полины рисунок, надорвала в двух местах, чтобы выделить руки человека, и обхватила ими указательный палец дочери. Получалось так, как будто Черный человек обнимает ее.

Полина засмеялась: от бумаги стало щекотно. Страх, едва дотронувшись до сердца, отступил перед светом глаз матери, которая сидела напротив и держала дочь за руку.

– С тобой все будет хорошо. С тобой все будет хорошо, – зачем-то дважды произнесла мама и крепко обхватила ее ладонь второй рукой.

* * *

Полина вернулась домой только за полночь; постояла в прихожей – там было хоть глаз выколи, потом сбросила обувь и заглянула в большую комнату. Отец давно спал, и она поморщилась – запах перегара сбивал с ног.

Сняв только дождевик, Полина легла в постель и долго ворочалась с закрытыми глазами, не в силах заснуть, снова и снова перебирая в голове эссе про планктон. Ей хотелось завтра подойти к Ирине Львовне, может быть, извиниться, и попробовать переписать работу – хотя она была уверена, что ничего не перепутала и теория 1961 года верна. В любом случае с Карповой придется помириться: Битва Школ через месяц, и готовиться к ней они должны вместе.

Полина заснула, думая о планктоне и море, а дождь шумел за окнами, как волны, которые качали их квартиру и бились нетерпеливо о борт.

Только под утро, сквозь сон, она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Дернулась на кровати, в панике открыла глаза: над ней высилась черная фигура и сжимала руками ее горло.

От ужаса Полина несколько секунд не могла понять, кто это; не могла кричать – но наконец различила в предутреннем мраке силуэт отца.

– Людка-а-а... – хрипел он, как будто в белой горячке, и его глаза были налиты кровью и алкоголем. Он не отпускал ее.

Полина в страшной тишине забила руками и ногами, стараясь оттолкнуть его и чувствуя застывший крик внутри, – и окончательно проснулась. С неистовой силой она пнула отца обеими ногами, и он повалился на спину.

Она только успела схватить дождевик и рюкзак – и бросилась прочь, хлопнув дверью квартиры изо всех сил, чтобы замок сработал. Полина понеслась вниз по лестнице, все быстрее и быстрее, чувствуя, как ноги наливаются тяжестью, – и втайне надеясь, что школа в такую рань уже открыта.

Идти ей больше было некуда.

Битва Школ

В то утро Полина долго простояла у закрытых дверей школы в промозглой октябрьской темноте, пока робот-администратор не разблокировал двери. Она шла по коридорам, а ее путь освещали холодные слепящие лампы под потолком. Гулкость и простота этих коридоров нравились Полине. Она часто представляла, что это какая-то научная лаборатория, в которой она когда-нибудь обязательно будет работать, станет ученым, совершит невозможное и уедет из этого города.

Полина натянула наушники и забралась с ногами на подоконник напротив закрытой учительской: в такую рань в школу никто не приходил, и некому было одернуть ее. Она наскоро стерла с белой пластиковой поверхности грязные следы кроссовок, зябко подышала на покрасневшие руки и устала в окно. Там, неподвижный и пустой, разлегся двор школы со вспученными заплатками асфальта; одна из двух половинок ворот была открыта – это Полина ее сдвинула, чтобы войти. Вокруг школы темнела полоса лесопарка со старыми вязами и тополями, которая постепенно переходила в настоящий лес. Он напознал на Троицк-Н с запада, с каждым годом все больше и больше – город рос в восточном направлении, а западное почему-то оказалось у мэрии не востребовавшимся.

От ворот школы вился замусоренный переулок, в котором они с Агатой часто зависали, обсуждая все на свете. За ним сонно моргали многоэтажки, продирая заспанные глаза; распухшим серым телом торчал из оврага Завод. Чуть дальше шумела объездная дорога, по которой день и ночь мчались автопилоты в сторону Москвы. Горизонт в том направлении всегда горел едва заметным синим светом – мертвый неон, когда-то давно забравший Москву в плотное сияющее кольцо. Оно было видно только ночью и появилось еще до рождения Полины. Взрослые называли его Границей.

Полина не до конца понимала, как и почему появилась Граница: она как-то загуглила короткое видео с президентом Лапиным, где сообщалось: «Инициаторами визового режима выступили жители городов-миллионников, которых беспокоила неконтролируемая миграция консервативной и малообразованной части общества в мегаполисы. Чтобы обеспечить каждому равный и справедливый доступ к благам, была введена система социального рейтинга и...» – и прочее бла-бла-бла, которое Полина силилась понять за обилием канцелярита. Но, кажется, суть сводилась к тому, что Граница окончательно разделила людей на технократов и консерваторов. Технократы слыли достигателями; их религией стали наука, карьера и инновации, программирование, биология и химия, скорость, оптимизация и прогресс.

Консерваторы же предпочли не проживать свою жизнь в бесконечной гонке; они яростно отрицали мир, повернутый на скорости внедрения нового; они не приняли наноинженерию и медицину роботов, ссылаясь на их вред для здоровья; они отрицали микрочипы и жизнь в виртуальной реальности, и, чтобы компенсировать это, ударились в религии – православие, буддизм и неоязычество, в альтернативную медицину и агропромышленность. Консерваторы предпочитали знать мало, только то, что им нужно для жизни, – так, по их словам, они боролись с нескончаемыми потоками информации, которые тщетно мечтали объять и переработать технократы.

Мама иногда рассказывала Полине о том времени, когда только включили Границу: по ночам на улицах тогда стреляли, около Москвы взрывали машины тех, кто пытался прорваться без визы, а по всей стране начались стихийные протесты. Впрочем, они быстро утихли, потому что Лапин именно тогда ввел знаменитый ББД – базовый безусловный доход. Так те из консерваторов, кто мечтал ничего не делать, получили наконец легальную возможность для этого. И, к сожалению, оказались в большинстве.

Амбициозным и зубастым не оставалось ничего другого, как «дрочить на соцрейтинг», – отец всегда злобно швырялся этой фразой, когда заставлял жену и дочь на кухне за тихой беседой о Границе, – и прорываться в мегаполисы легально. Без денег и связей, с помощью собственных мозгов и достижений это сделать было практически невозможно – по крайней мере, об этом Полине часто твердили учителя. Конкурс в вузы крупных городов зашкаливал за тысячу человек на место, а работу без технических и естественнонаучных знаний найти было огромной проблемой.

Школы из городов и регионов яростно соперничали за звание самой продвинутой; преподаватели и репетиторы потрясали сертификатами соответствия от ведущих вузов, обещая «поступить подростка во что бы то ни стало». Особым шиком для школьника считалось попадание на виртуальную «доску почета» Общероссийского школьного комитета. За доску давали очень много баллов к соцрейтингу, и это стало одним из способов увеличить свои шансы на поступление. Отличники и отличницы днями и ночами, до красных глаз, строчили заявки, чтобы попасть на доску, объединялись в группы, соревновались между собой и конкурировали, как самые настоящие взрослые. Взрослые быстро подхватили эту идею, от скуки превратив ее в шоу национального масштаба – вроде чемпионата России по футболу. Кто-то делал ставки на чужих детей и выигрывал, кто-то поступал в Москву и менял свою жизнь навсегда, кто-то ломался и сходил с дистанции – с публичными стримами и проклятиями в адрес конкурентов, – но тем, кто наблюдал за этой игрой, никогда не бывало скучно.

Так и появилась Битва Школ – сложнейшая олимпиада по пяти предметам, выиграть в которой почти всегда означало поступить на бесплатное обучение в университет одного из городов-миллионников. И именно в ней Полина мечтала поучаствовать через месяц – но все могло сорваться из-за банальной ссоры с Карповой. Из-за дурацкого эссе.

«Ирина Львовна, здарсьте, да, извините, не подумала как следует».

«Я перепишу и сделаю все правильно, простите».

«Я готовилась к Битве весь год, дайте мне, пожалуйста, шанс».

Полина гоняла в голове эти неискренние формулировки и поспешно отбрасывала. Ее подташнивало всякий раз, как нужно было за что-то извиниться, – особенно за то, в чем она не чувствовала вины. Отец приучил ее ощущать себя виноватой постоянно и за все, на что падал его нетрезвый взгляд, – и поэтому сейчас любые извинения в ее голове звучали пошло и фальшиво. Полина знала, что с биологичкой такое не прокатит, – к ней нужно было или сразу приходиться с переписанной работой, или даже не открывать рот: Карпова не терпела балаболов.

Полина вдруг отвернулась от окна и увидела Ирину Львовну собственной персоной: полная, широкая спина ее была обтянута неоновосиним пиджаком, и она остервенело пыталась открыть дверь учительской, глядя в камеру, которая почему-то ее не узнавала.

– Да что ж такое! – загремела биологичка. – Понаставили камер, тендер еще какой-то объявили, из Москвы к нам прислали спецов – а все туда же!

Полина незаметно сползла с подоконника, стянула наушники и уселась на ковер, наблюдая, как Карпова борется с дверью.

Ирина Львовна обернулась к Полине:

– Максимова, а ты чего тут сидишь?

Полина сказала как есть:

– Да меня отец чуть не задушил пьяный, вот я тут и сижу.

Карпова охнула и склонилась к Полине, осмотрела ее со всех сторон придирчиво и беспокойно, как врач, – вроде цела.

– Так. – Ирина покопалась в сумочке и вытащила потертый карт-ключ. Оставив в покое не узнающие ее камеры, она быстро приложила ключ к замку. Дверь радостно пискнула. – Пойдем-ка со мной.

Через полчаса, когда чай из фаянсовых кружек с желтым кантом был выпит, печенье из преподавательских запасов съедено, а в учительскую стали подтягиваться люди, Карпова тихо резюмировала:

– Полина, ты в любой момент имеешь право обратиться в ювенальный центр. Тебе могут предоставить место в интернате. Правда, придется еще и доказывать с кучей бумажек, что ты в нем нуждаешься. Тем не менее такая возможность есть.

– Да, я понимаю... – Полина усиленно изучала пол.

– Но есть и другой способ. – Биологица придвинулась к ней ближе и улыбнулась. – Перепиши-ка свое эссе про планктон. Точнее, расширь. Я, в общем, поизучала тут на досуге поглубже эту теорию – в зарубежных источниках про нее много чего есть. Можно попробовать дожать, и тогда, скорее всего, ты пройдешь отборочный на Битву.

– На Битву Школ?! – засияла Полина. – Вы серьезно? А разве так можно?

– Еще как! Твое эссе тянет на вступительную работу, а я уж договорюсь, чтобы ее засчитали вместо теста. Есть у меня в комиссии одна знакомая. А там... Кто знает! – Карпова хитро улыбнулась морщинками вокруг глаз. – Москва тут недалеко. Поступишь как победительница и уедешь.

Полина вылетела из учительской совершенно окрыленная.

«Поступишь и уедешь! Она сказала: поступишь и уедешь».

И полетели один за одним уроки, и Полина была на них болезненно прилежна, и тянула руку в ответ на любой вопрос, и терпеливо строчила по цифровой бумаге пластиковым карандашом, еле сдерживая счастливую улыбку.

Последней в расписании стояла сдвоенная химия. Химик Геннадий Сергеевич, хмуро подергивая себя за бородку-эспаньолку, шел по списку фамилий сверху вниз, но, как только наткнулся на Максимову, кивал ее заранее поднятой руке. Полине казалось, что учеба – универсальный способ одновременно быть на виду и при этом прятаться. Если ты хорош в учебе, никто тебя не тронет: ведь ты занимаешься чем-то важным, а тогда никому дела нет до того, что творится у тебя внутри.

После химии она задержалась в школьной лаборатории. Схватила с полки несколько стеклянных слайсов с образцами простых беспозвоночных и примостилась за микроскопом у окна, что-то быстро записывая.

– Полина, мне закрывать надо, – нахмурился химик, сунув голову в опустевший класс из коридора. Камера над дверью подмигивала красным, давая понять, что дверь закроется, как только объектив уловит усатое лицо Геннадия Сергеевича.

Полина сложила руки в молитвенном жесте:

– Геннадий Сергеевич, ну, пожалуйста, я к Битве Школ готовлюсь!

Химик удивился:

– Это с Львовной-то? Она тебя выдвигает? Ну молодец, что тут скажешь. Ты всегда у нас на передовой.

Полина сияла.

– Но правила есть правила, – тут же посерьезнел химик. – Знаешь, как нас Алевтина разносит за незаблокированные кабинеты... – Геннадий Сергеевич зябко поежился: перспектива выслушивать от директрисы очередной поток претензий ему явно не нравилась.

Химик нетерпеливо мям в руках коричневый кейс, раздувшийся от пластиковых тетрадей, и Полина со вздохом сдалась: Геннадий явно не собирался уходить, не закрыв кабинет.

Ее все равно распирало от счастья: эссе в голове звенело потоками новых мыслей, оставалось только облечь их в слова, и тогда, тогда...

Полина бежала по пустым коридорам, изредка встречая запоздалых знакомых: они кивали головами, как куклы, и были бесконечно далеки от Полины. Она летела к своему будущему, что билось внутри, как всполошенная птица; расправляло крылья, и ослепляло, и отражалось в стеклах окон, за которыми густели ранние осенние сумерки. Птица Будущего вспыхнула перьями в зеркале на первом этаже у гардероба – там, где обычно Полина натягивала на плечи бесформенную теплую куртку. Но птицу это не смутило, и она полетела дальше – наружу, туда, где еще утром Полине было невыносимо плохо, где она грела руки под козырьком школы, а изо рта вырывался пар.

Остановилась Полина только тогда, когда перебежала через темную границу переуллка и наткнулась на развилку двух равновеликих дорог. Первая вела вдоль старых десятиэтажек, мимо гастронома, петляя сквозь три-четыре похожих как близнецы темных двора, и упиралась в Полинин дом-корабль. Мысль о предстоящей ночевке в квартире с обезумевшим отцом тут же уронила сердце Полины куда-то в район желудка.

Вторую дорогу кто-то заботливо выложил плиткой: она вела в сторону новых районов, Завода и того квартала, в котором жила Агата Димитрова.

У Агаты можно было поесть и переночевать – если хорошо попросить ее мать, Аллу, бледную полноватую даму в россыпи родинок цвета корицы на покатых плечах. Муж Аллы и отчим Агаты, Павел Юрьевич, работал на заводе гибких дисплеев, что не мешало ему причислять себя к консерваторам и всячески поддерживать начинания жены. Дама она была вздорная, но отходчивая. В родителях Агаты парадоксальным образом сошлось стремление к достатку и защищенности, как у технократов, и при этом глубокое недоверие к инновациям.

Полина ощутила, как урчит от голода в животе: она не ела с момента разговора с Карповой в учительской – и с тоской вспомнила выложенную желтоватой плиткой кухню Димитровых, теплую и просторную. Подоконник там был уставлен баночками с домашними джемами, вялеными томатами, горшками с микрозеленью – все это мать Агаты покупала у таких же знакомых консерваторов или растила сама на балконе в теплице.

«Никакого ГМО, все свое, выращенное вот этими руками, ешьте, девочки, ешьте», – приговаривала Алла Ивановна всякий раз, когда голодная и промерзшая Полина садилась за стол в этом гостеприимном, но все-таки чужом ей доме. Время здесь как будто остановилось. Если Полина не смотрела в окна, то ей казалось, что они путешествуют в этой квартире, как в машине времени, в начало века – туда, где еще была нефть, по улицам ездили бензиновые автомобили, а по телевизору новости читали реальные, а не цифровые люди.

Полина дернулась было в сторону дороги, выложенной плиткой – но вдруг остановилась. Это означало бы, что ей придется рассказать матери Агаты, как ее чуть не задушил отец, – но тогда Алла уж точно позвонит в ювенальную комиссию, и прощай, Битва Школ.

Она потопталась на месте, прислушиваясь к себе. Птица все стучалась где-то в районе сердца, в тепле, под курткой. Полине так хотелось с кем-то поговорить, поделиться радостью, страхом и надеждами – но, кажется, не было ни одного живого человека на всей земле, кому она могла бы об этом рассказать.

И вдруг ее осенило.

Полина свернула на свою дорогу, но пошла не домой, а двинулась к окружному шоссе. Через пятнадцать минут она уже направлялась в сторону кладбища.

Полина обязательно расскажет обо всем маме.

И та будет рада.

Дело 56-689

Сидеть за столом полагалось ровно. В тишине огромной малообитаемой столовой мать укоризненно посмотрела на Игоря, а потом – на золоченые напольные часы. Без пяти восемь.

Подросток нехотя распрямился. Он висел на блестящей ореховой столешнице, раскачиваясь на самом краешке стула, – угрюмый, как взъерошенный грач. Стул под Игорем тревожно поскрипывал – терпеливый, старый, обитый узорчатым, затертым до блеска итальянским велюром.

Место рядом с третьей тарелкой – бледно-голубой, тонкого фарфора, с резным краем – как обычно, пустовало.

Мать туманным, невыразительным жестом балерины с картины Дега отмахнулась от кого-то невидимого и стала тереть виски.

Отец никогда и никуда не опаздывал – кроме этих воскресных ужинов раз в месяц. Иногда на полчаса, на сорок минут, а сегодня – почти на час.

«Мы теперь его *бывшая* семья, и он нам ничем не обязан», – цедила Арина, когда накрывала на стол и вытряхивала из выдвижной полки ворох кружевных салфеток. Она перебирала их и отбрасывала, потому что все они казались ей глупыми и безвкусными. Арина каждый раз готовилась к приходу бывшего мужа так основательно, словно он собирался вернуться навсегда.

– Может, он еще на работе... – осторожно предположил Игорь, но его тут же прервал писк входной двери.

Арина торопливо застучала по паркету каблучками пушистых домашних туфель, и все снова стихло.

В детстве молчание этой квартиры никогда не казалось Игорю странным – до тех пор пока он не попал в училище и не понял, что остальные люди живут совсем по-другому. Одногруппники поголовно ходили в очках и нейролинзах, которые Арина сыну запрещала; молодые курсанты громко хохотали над мемами из метавселенной, спорили с кем-то в Сети, сидели на энергетиках, много курили, отчаянно и весело ругались матом, не стесняясь старших по званию. Кроме того, они постоянно дрались и выясняли отношения, стараясь втянуть Игоря в очередной виток этих разборок. И уж точно никто из них не ездил с трех до семи лет каждый день в балетный класс на другой конец города – просто потому, что об этом мечтала его мать. Игорь всем сердцем ненавидел шесть балетных позиций и пике и у станка чувствовал себя беспомощной куклой, которую тянут в разные стороны – впрочем, так оно и было. Отец в то же самое время задумал вырастить из него настоящего мужчину – в своей особенной манере, отрицая любую принадлежность сына к себе, высокому чину из Минобороны. Александр Петрович никогда не помогал Игорю и не давал советов – «мужчина должен справляться сам, нечего ко мне бегать», – только смотрел куда-то сквозь сына и задумчиво постукивал ногтями по столу каждый раз, когда бывал им недоволен. А недоволен он был часто.

– Я ожидал от тебя большего, – снисходительно говорил Александр Петрович, и Игорь послушно забрасывал 4D-моделирование и брался за авиастроение. Копил дипломы по киберспорту, математике и физике, даже какие-то детские призы за искренне нелюбимый балет копил – но Игорю всегда казалось, что этого мало, чтобы понять, чего же все-таки хочет от него отец. Это была самая большая загадка его жизни, и в попытках ее разгадать он снова и снова наткнулся на удивленно приподнятые брови, закрытую изнутри дверь в кабинет, неотвеченные сообщения и длинные гудки в свой день рождения. Был Игорь плохим или хорошим, старался ли стать похожим на отца или полной его противоположностью, прочесть мысли Соколова-старшего он не мог.

Ни в балете, ни в военном деле Игорь так и не преуспел, прихватив из танцевальной студии только идеально вышколенную осанку, а из военного училища – умение мало спать, отжиматься до темноты в глазах и отдавать честь по первому требованию. А еще он прекрасно научился врать, притворяться заинтересованным и программировать по ночам – потому что после семнадцати лет жизни все еще ладил с машинами гораздо лучше, чем с людьми.

Игорь прижался щекой к холодной поверхности стола. Мать с отцом о чем-то резко перешептывались в прихожей, ничего было не разобрать – и он вытащил из кармана шарик из прозрачного углепластика. Шар лениво переливался синим неоном.

– Кристин, – тихо шепнул Игорь, – покажи маршрут отца за последние два часа.

Над шариком всплыла микропроекция, замелькали кадры, шумящие пикселями, – Дворцовая, Фонтанка, какие-то желто-белые кабинеты, салоны разных машин, красноватая муть ресторана – отец, оказывается, уже поужинал с каким-то плотным невысоким воякой в форменном кителе, расстегнутом от духоты на две пуговицы. Запись то и дело прерывалась – не везде сеть была публичной, и камеры легко взламывались простым перебором паролей. Потом полчаса темноты, Кристин включила перемотку – видимо, отец заехал в управление, там сеть была закрытой. И вдруг вспышки света, какая-то брюнетка в ожерелье из гранатово-красных камней, голая, смеющаяся жутко и бесшумно прямо в уличную камеру через окно отеля, – и отец, который с улыбкой валит ее на кровать и подминает под себя.

Оторопевший Игорь крикнул:

– Кристин, хватит!

Отец возвышался в дверях столовой: тщательно уложенные светлые волосы с проседью, аккуратно подстриженные усы, тяжелый аромат духов – и молчал. Он никогда не опускался до того, чтобы заговорить с сыном первым.

Мать, как привидение, выглядывала из-за плеча отца – тихая и очень злая: Игорь понял это по едва заметному, но хорошо знакомому жесту – она впиалась ногтями одной руки в тыльную сторону другой.

– Что. Ты. Наделал?

Невыносимо пахло рыбой, которую мать запекала вручную, сама, за несколько часов до ужина. Рыба так и осталась нетронутой и сейчас светилась розоватой податливой мякотью из-под фольги.

– Это... Кристин. Моя нейронка. Это вышло... случайно, – сглотнул Игорь. – Я... я могу показать, как она работает... Помнишь, в прошлом году я соревнование с ней выиграл...

– Я спрашиваю, что ты наделал?!

Мать абсолютно точно видела проекцию с брюнеткой несколько секунд назад – так же, как и отец.

– Арина, цыц! – отрезал Соколов-старший. – Это всего лишь безделушка. Херня от Игорька – как обычно. Правда, Игорек?

Вопрос он задал в пустоту, глядя куда-то поверх головы сына.

Игорь не мог поднять глаза на отца – но ему это было и не нужно. Он и так знал, что увидит.

Военный лишь снисходительно ухмыльнулся, словно перед ним было насекомое, и молча вышел из столовой.

– Делом займись уже, что ли, – бас отца прозвучал с порога так буднично, так обыкновенно, что от этого стало только больней.

Хлопнула входная дверь.

Арина медленно вошла в столовую и села. Потом взяла в руки приборы, положила себе кусок остывшей рыбы и начала есть.

– Он сказал тебе, что больше не придет, да? – спросил Игорь еле слышно.

Щеки Арины едва заметно блеснули от слез, когда она наклонилась над тарелкой и филигранно сплюнула на нее рыбью кость.

– Ровно сядь. – Мать продолжила есть, как будто ничего не случилось.

В столовой мерно тикали часы, и только полукруглые следы от ногтей кричали с руки матери.

Игорь не мог перестать смотреть на эти отметины – и сел наконец ровно.

* * *

В следующий раз – и в последний – он видел отца не так отчетливо: сквозь прокуренный воздух камеры военного изолятора.

Александр Петрович вошел, быстро пожал руки тем, кто допрашивал Игоря, а потом склонился и с высоты своего огромного роста что-то забормотал на ухо лысеющему коротышке без галстука. Гудели лампы под потолком, но и их звука было достаточно, чтобы заглушить монотонный шепот Александра Петровича. Иногда Соколов-старший лениво отмахивался от конвойного солдата, как от назойливой мухи, – тот все пытался вывести его из камеры.

Игорь плохо различал лица людей, потому что к тому моменту не спал почти двое суток. Но даже спустя годы он все равно помнил запах отца в то утро – одуряющая смесь древесного угля с какими-то холодными, почти шаманскими травами. Запах вызывал в нем чувство почти религиозной покорности и в то же время яростный протест, желание раскрыть пошире окна и продышаться – а лучше выпрыгнуть в одно из них.

– Так-с, значит, Игорь Александрович. Новые детали появились. Давно вы планировали взлом? Кто-то поделился с вами данными? – добродушно спросил коротышка от дверей.

Еще один военный – угрюмый, светлородый, с татуировкой скорпиона на тыльной стороне ладони – подошел и грохнул руками по столу:

– Будем признательную писать или нет?! Или по полной раскатаем? Кто тебе ключи слил?! Говори!

– Никто. Я вас взломал сам. Мне никто не помогал.

Его ответ потонул в хохоте коротышки, и вслед за ним рассмеялись еще несколько человек, как будто они были на каком-то светском рауте и Игорь очень остроумно пошутил. Отец не смотрел на него, только стал наговаривать коротышке чуть громче:

– ... да он все детство этой херней страдал, но не всерьез, конечно...

– Посмотри на меня!

Камера зазвенела от крика: звук вырвался из тела Игоря, как взбесившийся пес, которого дразнили окровавленной костью. Он смотрел на отца сквозь дым и неоновое сияние потолка и ждал его взгляда – как и все эти годы. Взгляда взрослого, адресованного взрослому. Глаза в глаза.

Военные замерли, ожидая развязки, – и опять эти удивленно вздернутые брови, и перешептывания, и мерзкие смешки – и, наконец, почти тишина.

Александр Петрович зачем-то медленно зачесал пальцами волосы назад – волна древесного запаха докатилась до Игоря удушливым облаком и заставила сглотнуть подкативший к горлу ком слез.

– Сучонок! – Отец сплюнул под ноги и, махнув рукой, вышел из камеры.

Военные расхохотались, и громче всех смеялся лысеющий коротышка – и на щеках у него подрагивали маленькие ямочки, придающие ему сходство с бульдогом. Ловкие пухлые пальцы с темными волосками на фалангах сжимали серебристую металлическую папку, на которой сияла красная надпись:

Дело 56-689 ШП

Соколов Игорь Александрович
Взлом основной базы данных Министерства обороны с грифом
«А. Сверхсекретно»

Хаб

Только спустя много дней, в самом конце зимы, Игорь узнал, как звали коротышку.

– Крайнов, – коротко представился тот и сунул Соколову руку, как равному себе. Они стояли во внутреннем дворе головного офиса Министерства обороны в Москве – и Игоря все еще потряхивало после памятного разговора в овальном кабинете с изображением тонущих кораблей.

– Куришь? – Военный знал ответ и протянул ему дорогую крафтовую пачку с золотым тиснением. Игорь с молчаливой благодарностью вытащил оттуда коричневую папироску из органического табака.

– Отец-то твой, того, слабачком оказался.

Игорь сдвинул брови:

– Простите, что?

Вместо объяснений Крайнов крякнул, лениво вытащил из кармана очки и передал их Игорю. Соколов трясущимися руками долго не мог зацепить дужки очков за уши, надел – и надолго замолчал.

Крайнов курил сигареты одну за другой, гася окурки носком блестящего ботинка, и с живым любопытством наблюдал, как непутевый сын его подчиненного медленно поднимает ко рту костяшку указательного пальца и закусывает ее.

– Я не верю. – Игорь сдернул очки, и покрасневшие глаза забегали в поисках несуществующей опоры. – Какой-то бред. Он не мог покончить с собой...

– Мне жаль. – Крайнов мгновенно сделался серьезным и скорбно закивал. – Поехали?

Он хлопнул его по плечу, и Соколов ощутил вдруг, как мелко и позорно трясутся колени.

– Что со мной будет? – прерывисто спросил Игорь.

– Ничего хорошего, – добродушно хохотнул Крайнов. – Минимум лет двадцать пять, максимум... – Он сделал многозначительную паузу. – Как себя проявишь, короче. Не дрейфь!

Он поднял руку, чтобы привлечь внимание незаметного черного автомобиля с госномерами, который поджидал поблизости.

Подросток упал на сиденье и закрыл глаза, чтобы не видеть, как уплывает вдаль синий овальный кабинет и подземные этажи под ним с обитыми металлом стенами и серверами, которые он еще недавно трогал, – не руками, конечно, но своим хитросплетенным, отчаянным кодом. Игорь словно пытался найти тот самый пароль, который разрушит стены его тюрьмы, построенной из молчания и снисхождения – и из миллионов вопросов, на которые он так и не получил ответы.

«И уже не получу», – подумал Соколов и ощутил, как в центре груди – там, где всегда его кто-то ковырял металлической вилочкой, – расплзается черная дыра, та самая, с которой – он еще не знал этого – ему предстояло жить теперь всегда.

Орать и рыдать, и бить стены, и кататься по полу – всего этого хотелось нестерпимо, но Игорь впервые неосознанно сделал, как мать: просто впился ногтями одной руки в другую, и стало как будто легче.

– Что, кроет тебя? – усмехнулся Крайнов. – Ну, ничего, это пройдет. Ты поспи, Игорь Александрыч, поспи. Ехать далеко. Свежая голова тебе еще понадобится.

На место они прибыли только к вечеру. Игорь резко проснулся и первые несколько секунд пытался понять, где находится. Крайнов давно пересел вперед, к водителю, который контролировал автопилот, и о чем-то тихо переговаривался с ним, шевеля пальцами в проеме между кресел. Их несло по гравийке и болтало туда-сюда – Игорь слышал, как водитель сдержанно ругается сквозь зубы.

Закат проливался кровавыми пятнами сквозь стекла на сиденья и пол; мелькали силуэты черных деревьев, будто вырезанные из розового неба ножницами, лес редел, и наконец за окнами показался коттедж, хотя больше он походил на маленький замок какого-то румынского князя. Остроконечные башенки, высокие окна-бойницы, винтовые лестницы, которые виднелись внутри и петляли, уходя спиралями вверх и вниз, – дешевый китч, который подавленному Соколову показался просто устрашающим.

На пороге замка их встретил белобородый военный со скорпионом на руке – тот самый, что был в его камере на большинстве допросов.

Скорпион хмуро кивнул Крайнову и попытался надеть наручники на Игоря, но был тут же остановлен легким жестом Крайнова. Приобняв Соколова за плечи, тот повел его внутрь. Скорпион потащился следом, угрюмо глядя им в спины.

За стенами коттеджа было далеко не так мрачно, как снаружи. Из-под дверей комнат лился желтоватый свет, где-то шумели голоса, взрывы хохота сменялись зонами тишины, пока Игоря вели коридорами вниз и вниз, в глубину этого поистине огромного дома, словно списанного с полотен каких-то голландских живописцев. В нем были расцвет, пышущий жизнью и похотью, и увядание; лепнина, парча, золото и старинная мебель, будто в музее, и свежие фрукты в хрустальных вазочках на столиках в проходных, никем не заселенных комнатах.

В зале без окон, подсвеченном по контурам стен синим неонам, они встретили небольшую группу людей в форме и в штатском. Они сгрудились вокруг нескольких больших экранов, висящих в воздухе, и что-то бурно обсуждали, Игорь на ходу выхватил взглядом какой-то изломанный, почти нечитаемый код в окошке консоли напротив одного из военных, но Скорпион легонько толкнул его между лопаток, и пришлось идти дальше.

Крайнову внезапно кто-то позвонил по видеосвязи, и он быстро пошел вперед, оставив их со Скорпионом в запутанных коридорах.

Игорь хотел позвать Крайнова – страшно было лишаться покровительства единственного человека, который за последние сутки проявил к нему хоть какое-то подобие сострадания. Но Скорпион догнал парня и пошел рядом, лениво сняв с предохранителя пистолет. Тот моргнул красным на его широком, будто охотничьем поясе. Игорь тут же отказался от идеи догонять Крайнова.

Наконец Скорпион распахнул перед ним двери небольшой гостиной в бордовых тонах, где уютно потрескивал камин. Рядом с ним стояли два кожаных черных кресла. Комната выглядела абсолютно жилой; на поверхностях кое-где были разложены мелкие вещицы, которые многое говорили о своем владельце. Вот античная голова Аполлона в небрежно наброшенной на бок коричневой фетровой шляпе; рядом с ним на каминной полке – голые торсы, мужские и женские, из иссиня-белого мрамора; на столе чуть дальше – полуразобранная рука то ли киборга, то ли робота, над которой натянуты лазерные лучи; на журнальном столике черепашого цвета – початая бутылка коньяка и пачка дорогих органических сигарет – такие они курили с Крайновым. По стенам тянулись книжные полки. Корешки книг были кожаными, с тиснением и вензелями, очень старые, но практически все в идеальном состоянии. Коллекция подавляла и восхищала – тут явно были тома на многие и многие миллионы криптовалют.

На одной из стен на уровне глаз была закреплена старинная бумажная карта мира. Ее покрывали ровно сияющие алые цифровые метки – порой в совершенно неожиданных местах, например посреди Тихого океана.

– Проходи, чего встал! – Скорпион грубо толкнул его в центр комнаты, а сам сел на резной стул темного дерева и вальяжно скрестил длинные ноги в тяжелых ботинках, едва ли не касаясь ими Игоря.

Соколову он сесть не предложил – только вытащил пистолет из кобуры и спокойно положил на колено.

– Тебе оказана честь, щенок.

Игорь не мог толком сфокусироваться на том, что говорил Скорпион, только слушал гулкие удары крови в ушах и не сводил глаз с пистолета.

– Михаил Витольдович редко сюда кого-то приглашает. Обычно к этому времени ребята вроде тебя уже... – Он легонько провел дулом по кадыку и ухмыльнулся. – Но, думаю, ты здесь ненадолго.

Соколов не смел сдвинуться с места и судорожно пытался по мимическим морщинам вокруг выцветших глаз Скорпиона распознать все самые неприятные смыслы этой фразы.

– Говорить что-нибудь будешь, или сразу к делу перейдем?

Игорь буравил блондина расширенными от страха глазами, силясь понять, чего тот хочет от него.

– На колени давай! – заорал вдруг Скорпион и направил пистолет на парня. – Быстро! Сюда ползи. Ползи, я сказал!

Соколов на коленях прополз в сторону Скорпиона и замер, глядя на него исподлобья, снизу вверх, и чувствуя, как щеки начинают пылать от жара камина и ощущения близкой смерти.

Скорпион схватил его за плечо, а второй рукой приставил к виску пистолет:

– Говори! Говори, зачем ты взломал базу! И, главное, как? Тебе отец слил доступы?! Кто за ним стоял?! Кто ему платил? Сколько тебе заплатили? Говори, говнюк!

Игорь зажмурился; тело и язык не слушались, они онемели.

– Ссыкло! – Скорпион вздернул его за шиворот, с отвращением наблюдая, как по щекам Соколова неконтролируемо катятся слезы. – Зачем ты это сделал?! Говори!

– Я х-хотел, чтобы... – голос Игоря был еле слышен из-за трясущихся губ.

– Что? Говори громче!

– Николай! – громыхнул с порога Михаил Витольдович. Крайнов улыбался и сиял порозовевшими щеками – было видно, что он долго ходил по улице во время важного разговора, и разговор закончился хорошо. – Это что за балаган?

Скорпион отшвырнул Игоря, и тот упал на пол и затрясся беззвучно, закрыв руками лицо.

– Виноват, – огрызнулся Николай.

– Иди, Коля. Мы тут дальше сами. Иди. – Крайнов хлопнул Скорпиона по плечу и кивнул на дверь.

Скорпион вышел, оглядываясь на Соколова с неприкрытой ненавистью.

Как только дверь за ним закрылась, Крайнов подошел к Игорю, приподнял его с пола и крепко, по-отечески обнял и похлопал по спине раскрытой теплой ладонью. Пахло от него чем-то достойным; немного старомодным, джентльменским таким парфюмом и еще сигаретами – ничего сложного, все понятно и просто. Ему хотелось довериться.

– Ну, ну, ты чего, Игорь Александрыч, раскис? Давай выпьем, что ли. Коньячку?

Михаил Витольдович был широким, плотным, в хорошей еще форме, с небольшим аккуратным животиком, который обезоруживал и придавал ему обаяния. Небольшого роста, но не рубленый и квадратный, а гибкий и ловкий; зрелый, со вкусом и умом, довольный жизнью бонвиван, который обволакивал и заполнял звучным баритоном все пространство вокруг себя. Он как будто постоянно находился в движении, в бурлящих под его высокими залысинами мыслях, в вовлекающем разговоре. Крайнов вызывал очень теплое ощущение, как старый друг, которого ты встречаешь внезапно на вокзале за десять минут до отправления поезда и вдруг понимаешь, что ехать никуда не хочешь, а хочешь остаться с ним и слушать его всю ночь за рюмкой водки в привокзальном ресторане.

Игорь окончательно очнулся от шока только тогда, когда Крайнов почти насильно опрокинул в него грамм двести коньяку и усадил в кресло у камина. Сам он сел в соседнее. Огонь за старинными витыми решетками убаюкивающе потрескивал, а Михаил Витольдович внима-

тельно смотрел теплыми карими глазами на своего подопечного. Игорь наконец перестал держать свою балетную осанку и, откинувшись вглубь кресла, начал успокаиваться и дышать ровнее.

Крайнов задумчиво потер мясистый круглый нос и вдруг спросил:

– Что ж ты, дорогой, с родителями-то в таких неладах? Что с отцом был на ножах, что с матерью. Вроде дельный парень.

Михаил Витольдович слегка склонил голову набок и замолчал, давая Игорю слово – уважительно, без снисходительности, приглашая к диалогу.

Игорь сглотнул подступающие слезы и пожал плечами:

– Я не знаю. А что, мама звонила, да?

– Да она под дверями СИЗО несколько раз дежурила, потом поняла, что тебя там нет, начала звонить всем подряд – в Управление, в питерский офис, всех на уши подняла. Но, правда, потом поутихла – когда ей сообщили, по какой статье ты проходишь. – Крайнов крикнул и потянулся за сигаретами.

Игорь смотрел в камин застывшими глазами.

– Сказала, что съезжает с вашей квартиры на Циолковского. Ну, как отца твоего нашли – так и сказала. Продается теперь квартирка. Неплохая, кстати. Может, кому-то из наших приглянется.

– Она новый адрес оставила? – тихо спросил Игорь, боясь услышать ответ.

Крайнов долго смотрел в огонь, затягиваясь сигаретой. Выдохнув облако едкого пахучего дыма, он протянул вторую сигарету Соколову и дал прикурить.

– Да нет, не оставила. Но ты ж хакер. Узнаешь потом сам. Да и тебе к ней сейчас, думаю, лучше не соваться. Ты ж ее любимого убил, можно сказать. Ну, так все говорят. Я так не считаю, конечно.

Игорь закрыл глаза и ухнул в темную пропасть – быстро, как на американских горках, и все его внутренности подпрыгнули. Он вывалился на пол в темноте и застонал. Там, внизу, в глубокой оркестровой яме, сидели виолончелисты и флейтисты, гудел контрабас, настраивались и повизгивали скрипки. Он приподнялся на полу, оглянулся – оркестранты не замечали его, перелистывали ноты. Тогда Игорь медленно поднял голову к слепящему свету софитов и услышал голоса. «Арина, стоп, выше, еще раз, еще раз!» А потом: «Арина, быстрее, ап, ап, ап!»

Игорь знал, что где-то в этой яме есть лесенка, и пошел наугад, огибая музыкантов, и наткнулся наконец на нее в полумраке. Щупая беспокойно воздух в поисках невидимых перил, он почти побежал вверх, перебирая суматошно ногами, как маленький.

«Мама».

Арина кружилась на сцене в старинных декорациях, среди огромных цветов из папье-маше, – быстро-быстро, как белоснежное веретено, набирая скорость и отщелкивая такты взмахами тонкой, на пределе вытянутой ножки.

«Па-ра-ра-ра-ра... „Вальс Цветов“. „Щелкунчик“».

– Арина, стоп, выше, еще раз, еще раз!

Игорь схватился руками за край сцены, собираясь выбежать на нее.

– Посторонние, вон!

Недовольный окрик и громкие хлопки режиссера заставили его вздрогнуть и отпустить металлический кант.

Он так и не смог словить взгляд матери: она все время кружилась, потом прыгнула высоко-высоко, потом еще и еще. Пустили дым, сцена начала двигаться в глубину, в пульсирующее и урчащее жерло кулис, загудели декорации, и фигурка Арины стала растворяться в дыму, пока не осталось даже ее очертаний.

Игорь рванулся вперед, но сцена уже погасла, и все заменил собой глубокий фиолетовый свет, переходящий в черноту справа и слева, внутри таинственных, бесконечных, едва заметно вздымающихся занавесей.

– Игорь Александрыч, ну как тебе? Забористо?

Соколов моментально вернулся в кресло и ошалело уставился на Крайнова:

– Вы... вы мне что-то добавили?..

– Есть немного, – хулигански улынулся Михаил Витольдович. – Это тебе для расслабления. А то Коля тебя слегка поломал. Я с ним еще беседу проведу, особо. Не переживай, Игорь Александрыч. Все хорошо с тобой будет. Обещаю.

Игорь кивнул машинально, пытаясь понять, где реальность, а где галлюцинации. Он плохо осознавал, что именно говорит Крайнов, но ощущал, *как* он это говорит. В его словах было много покоя. Была надежность, было обещание какого-то нового, незнакомого будущего. Крайнов говорил, что это место – хаб, один из многих, который занимают хакеры и инженеры, работающие на государство. И его личная резиденция – по совместительству. Михаил Витольдович не мыслил себя вне работы – это была вся его жизнь. Это сквозило в том, как он живо и с удовольствием ходил по комнате, то и дело вытаскивал проекции с кодом из воздуха, какие-то 3D-чертежи; доставал книги и безделушки и совал их Игорю; потом отключил лазеры и осторожно подвел Соколова к столу и с удовольствием показал ему роботу.

– Новая разработка! – хвастался Крайнов, сжимая и разжимая свою руку, на которой были только часы, – а металлический кулак робота в точности все повторял за ним. – Сам сижу, паяю тут вечерами, просто чтобы порадовать себя. Ребята потом в промышленную версию возьмут.

Странное тепло разливалось по телу Игоря; казалось, что он чувствует ток крови в сосудах, медленное биение сердца, коньяк, который опустился в пищевод и теперь приятно обжигал внутренности; нагретую микросхему под пальцами, которую Крайнов выдрал прямо при нем из какого-то тестового устройства и дал оценить.

– А! Каково тебе? Хороши? Хороши же, черти! Это вот мои ребята все делают! Хочешь с нами? Давай, ты ж светлая голова, талантище. Чего тебе в тюрьме-то куковать, а, Игорь Александрыч? Много у нас там сгнило непокорных – талантливых, но глупых. А ты-то умный.

Игорь замер, прислушиваясь к звенящей тишине после его слов, и тревожно всмотрелся в Крайнова.

Тот стоял напротив и держал его за плечи, ожидая ответа, – вальяжный король этого искусственного замка, этого мира потерянного времени, где будущее плотно увязло в прошлом, перемолотое адской мясорубкой насилия, которое вдруг мелькнуло в последней фразе Крайнова, – бытовое, простое и привычное всем, кто работал здесь. И это напугало Соколова едва ли не больше, чем пистолет Скорпиона.

Михаил Витольдович смотрел на него с теплотой – так, как никогда не смотрел покойный отец.

Глаза Крайнова были полны надежды.

«Хоть сейчас ты бы гордился мной, пап?» – пролетела жалкая мысль на задворках спутанного сознания Соколова.

– Я подумаю, – нехотя ответил Игорь, но Крайнов заулыбался так, словно это было «да».

Туман

Лязг железного окошка одиночки будил не хуже ведра холодной воды.

– Соколов, бля! Вставай, посетитель к тебе.

Он вскочил и судорожно ощупал себя в свете люминесцентных ламп, которые гудели и не гасли никогда, даже ночью.

А существуют ли все еще день и ночь при таких раскладах?

– Резче давай.

Он натянул носки и кроссовки и поспешно встал спиной к двери. Из-под нее доносился знакомый звук: старинная французская песня, которую охранники каждый раз включали, когда пора было выходить на прогулку. Песня означала, что Соколов обязан повернуться спиной к двери, сцепить руки в замок и дожидаться, пока его выведут наружу.

Non! Rien de rien...

Non! Je ne regrette rien...

Ni le bien qu'on m'a fait,

Ni le mal tout ça m'est bien égal! ⁵

Он идет по коридору и жадно шарит глазами по сторонам.

Выйти из камеры – роскошь, очень важно запомнить все хорошенько, чтобы потом перебирать в голове, пытаясь не сойти с ума. Вот они, стены, прекрасные зеленые стены, немного обшарпанные. На полу крошки от батона, желтенькие, слева кто-то орет непотребное в драке – там камера на четверых, вот повезло дуракам, они даже не понимают, насколько; вот пост, там переговариваются полицейские, слышен смех и – внезапно – его фамилия. Игорь поднимает голову, обрадованный, но его тут же толкают в спину, и он торопливо идет дальше, вдыхая и выдыхая тюремный воздух, воздух усталый и спертый, пропитанный потом испуга и томительным ожиданием; воздух, который никогда не попадет в паруса маленькой яхты и не растреплет копну женских волос, не ворвется в окна красного автомобиля на побережье Ниццы, не выскочит из-под пробки нагретого солнцем и рвущегося наружу шампанского; не наполнит грудь клочкотанием горных потоков, не осядет брызгами моря на загорелой переносице – нет, здешний воздух живет только в тесноте тоннеля, по которому следует ходить туда и обратно, изо дня в день. Воздух спрессованный, тугой и жесткий, как цифры невидимых часов, что тикают только в голове, – настоящих часов тут не допросишься. И часы эти отсчитывают время до приговора, который здесь, в СИЗО для особо опасных, равносильен смерти.

Французская мелодия все еще играла, когда Игорь сел на железный стул и положил руки на стол.

В комнате для свиданий сидела его мать.

Стены тут же раскинулись, упали наружу, как картонная коробка из-под торта; пространство словно наполнилось солнцем и ветром; на узком тюремном столе появились воображаемые чашки и блюдца, а посередине – тонкая молодая роза в стеклянной бутылки – темно-красная, несмелая, только-только приоткрывшая лепестки вытянутого бутона.

Игорь попытался заглянуть в черешневую глубину глаз Арины. Губы, зажатые тисками вины, склеились намертво.

– Что ты натворил.

⁵ Строки из песни Эдит Пиаф. «Нет! Ни о чем... / Нет! Я ни о чем не сожалею... / Ни о хорошем, что у меня было, / Ни о плохом. Мне все безразлично!» (Фр.)

Шепот не угрожал, не упрекал – он констатировал факт. Он таял в гуле вездесущих люминесцентных ламп, и их Игорю предстояло слушать теперь всегда.

Шепот был слишком оттуда, с воли, из того мира, который Игорь навсегда потерял.

Арина – балерина из сказки, балерина из картона с сияющей зеркальной блестяшкой на плече, белоснежная и идеально прямая, в каком-то старомодном серебристом пиджаке с подплечниками, которые делали ее шею и головку с собранными в дульку волосами еще более хрупкими, – она даже не прикасалась к столу, на который тяжело опирался Игорь.

– Пожалуйста, посмотри на меня.

Мать молчала.

Она явно пыталась вернуться – в те времена, когда сидящий напротив человек еще был ее сыном. Арина упорно не смотрела на него, на его тело, истощенное от бесконечного Дня сурка в СИЗО, на короткий ежик волос, которые чужие люди обрили под корень. Она всеми силами рвалась в прошлое – но ей мешал этот долговязый парень, торчащий за столом, как каланча, как бельмо на глазу, как репей, приставший к одежде.

Нет, это не он, это не ее Игоречек, не ее сыночек, а какой-то незнакомый уголовник, и что она вообще здесь делает, это ошибка.

Арина встала.

– Мам... – Игорь часто заморгал. – Не уходи.

Он встал, но не посмел обойти стол и оказаться на ее стороне, как будто невидимая граница – стена льда, что росла между ними дни и годы, – наконец торжественно опустилась и разрешила воздух на две не соединяемые ничем половины.

– Будешь отвечать перед Богом и Родиной, которую ты предал. Я тебя не знаю и смотреть на тебя не хочу. Ты – пустое место.

– Мам, кого я предал?! Я просто хотел, чтобы люди увидели, как эти, – он качнул головой назад, будто имея в виду все СИЗО целиком, – врут всем и всегда! Я хотел, чтобы они перестали хватать людей и отправлять их на фронт! Хотел, чтобы отец понял, в каком дерьме он возится всю жизнь, чтобы он поднял голову и заметил, что есть ты, есть я и что-то еще на свете, кроме денег и власти...

– Не смей говорить об отце, сволочь. Ты не достоин и ногтя на его мизинце.

Арина с грохотом отодвинула стул и пошла к выходу.

Воображаемый ветер трепал салфетки на столе, и они загибались маленькими треугольниками; роза дрожала в бутылке, а чашки с нетронутым чаем покрылись мелкой рябью и почернели от жирного пепла, от перемолотых костей и жил, которые жрало это место, как древнее чудовище, каждый день, по часам, по четкому расписанию, подчиняясь строгой и вальяжной французской музыке, сюрреалистично смешанной с гимном страны, где большинство потеряло надежду поднять головы давным-давно.

Дверь за Ариной закрылась, и остался только аромат ее духов.

Соколов закрыл глаза и глубоко вдохнул, чтобы запах запомнился получше – прежде чем он снова пройдет по коридору свои восемьсот двадцать семь шагов до одиночки, ляжет на железную кровать без матраса и потеряет счет дням.

Игорь медленно поднимает голову и смотрит на гудящие лампы.

Потом на руки.

Снаружи кто-то уже скребется, чтобы его забрать, а он смотрит на запястья, испещренные царапинами от ногтей. Так он высчитывает время между длинными снами и пробуждением.

Окон в камере нет, стены гладкие, и на них ничего не нацарапать, поэтому он стал ставить засечки на теле. Пока закончились только предплечья. Надо подумать, что дальше.

Что дальше.

Что дальше.

– Соколов, руки за спину.

Один, два, три, четыре... Восемьсот двадцать шесть, восемьсот двадцать семь.

Лязг железной двери одиночки.

И гудение ламп, которые не гаснут никогда – ни днем ни ночью.

* * *

Время в хабе тянулось иначе – не так, как в тюрьме, но и не так, как снаружи.

Оно все равно казалось каким-то искривленным, неправильным. Игорь бродил по разным этажам и общим комнатам, садился в глубокие кресла в углах, кодил в одиночестве на выданном ему подержанном переносном компьютере – простом алюминиевом шаре, который цеплялся за пояс карабином. Батарея была дохлой, приходилось заряжать комп каждый день – но он выдавал сносную проекцию, на которой можно было рассмотреть код. Так кодить ему нравилось намного больше, чем на пластиковой бумажке восковым карандашом, – ему иногда позволяли это делать в СИЗО после многих дней «примерного» поведения.

Дни то неслись галопом, когда Крайнов говорил с Соколовым о его судьбе, то тянулись, как жвачка, когда вестей от военного подолгу не было.

Ничего плохого Крайнов во время встреч с Игорем не делал, напротив, был мил и обходителен – и от этого, на контрасте, становилось тошно от мысли о матери, которая никак не проявляла себя, хотя с момента его выхода из СИЗО прошло два месяца – достаточно много, чтобы остыть и все-таки позвонить.

Но она не звонила, и Соколова бросало в панику после каждого разговора с Крайновым.

Михаил Витольдович участливо смотрел на молодого хакера, говорил о погоде, о курсе криптовалюты, о продвижении других сотрудников хаба на государственной службе. Соколову некуда было идти, и Крайнов знал это – и просто ждал, когда Игорь упадет в его руки, тепленький и готовый отдать свои мозги тому самому Министерству обороны, базы которого Соколов так некстати взломал.

Скорпион с кислой миной постоянно сопровождал Соколова к Крайнову. Стало понятно, что начальство передумало избавляться от Игоря, и Скорпиону, хочешь не хочешь, придется иметь с ним дело.

Игорь шараялся от Скорпиона, и тот поначалу поддерживал этот страх. Однако со временем ему это просто наскучило.

Сначала он перестал поигрывать пистолетом в присутствии Соколова, потом стал улыбаться снисходительно и в конце концов совсем оттаял. Они теперь кивали друг другу при встрече, хотя обоим казалось, что это чересчур, – но продолжали делать это, скорее из вежливости.

Однажды утром, когда Игорь уныло тащился по коридору на завтрак после бессонной ночи, которую провел в мыслях о родителях, Скорпион появился словно из ниоткуда. Он оттащил Соколова в кабинет, усадил на стул и сунул в руки подожженный косяк с марихуаной.

– Давай-ка, затянись как следует. А то лица на тебе нет. Давай-давай, расслабься, никто не узнает. Как говорит наше доблестное начальство, «дисциплина – это когда тебя не поймали». А тебя уже, в общем, поймали, так что давай, кури и не бзди.

Игорь послушно затянулся, кашляя, как туберкулезник, – он не баловался наркотиками до тюрьмы, только раз на каком-то квартирнике ему сунули в темноте половинку экстази, и он почти не почувствовал эффекта.

Трава оказалась крепкой, царапала гортань; Игорь вдыхал и выдыхал клубы дыма и несмело, но искренне ржал, хотя внутри все трещало по швам, когда Скорпион смотрел на него

исподлобья. Край рубашки военного рядом с поясом топорщился от кобуры. Ему ничего не стоило вытащить пистолет и снова сменить милость на гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.